

Всемирная Иллюстрация

№ 947. Годъ XIX.]

7-го марта 1887 г.

[Томъ XXXVII. № 11.

ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

СУББОТНЯЯ ДУША.

Психологическій этюдъ на археологической подкладкѣ.

Н. Аксакова.

Четыреста лѣтъ тому назадъ лучи заходящаго солнца освѣщали точно такъ же, какъ и теперь, быстрыя волны широкаго Рейна, — отражались точно такъ же, какъ и теперь, на величественномъ куполѣ нынѣ ужъ древняго, а тогда еще новаго и въ своемъ родѣ молодого майнцкаго собора, пронизываясь черезъ живопись цвѣтныхъ его стеколъ. Прерывались кровлями церквей и высокихъ домовъ, проникали они и въ почти несуществующій уже теперь жидовскій кварталъ и проливали тамъ жиденькій свѣтъ въ узкое пространство между домами, похожее на корридоръ, хотя и носящее громкое названіе улицы. Строиться шире не позволяло евреямъ пространство, отведенное городомъ для еврейскаго населенія, которое плодилось и множилось, руководствуясь только своими совершенно особенными статистическими законами, да кромѣ того увеличивалось еще ежегодно новыми пришельцами изъ тѣхъ мѣстностей и городовъ, откуда евреи изгонялись поголовно. Въ Майнцѣ за это время, благодаря крупнымъ взносамъ въ епископскую казну, евреямъ разрѣшено было жить, хотя по временамъ благочестивое населеніе и возставало противъ враговъ имени Христова и, не стѣняясь, проливало кровь ихъ. Въ тотъ самый годъ, къ которому относится нашъ разсказъ, ворота еврейскаго квартала въ Майнцѣ должны были широко раствориться для того, чтобы впустить въ узкіе его переходы и тѣсныя жилища многочисленныхъ изгнанниковъ изъ сѣднлаго Вормса, гдѣ только-что совершилась страшная кровавая расправа, гдѣ еврейскій кварталъ выжженъ былъ до тла и откуда предписано было выселиться всѣмъ евреямъ, за исключеніемъ, разумеется, только тѣхъ, которые, не успѣвъ спастись за благовременно, погибли въ пламени своихъ жилищъ, поднимая руки къ небу и возглашая отсюда: „слушай, Израиль! Господь Богъ твой! — Господь одинъ!“ что, какъ извѣстно, составляетъ предсмертную молитву евреевъ. Мы позабыли было сказать, что у еврейскаго квартала или гетто ворота были не аллегоріей только, а дѣйствительными воротами, которые запирались съ наступленіемъ каждого вечера, вслѣдствіе чего еврейскій кварталъ представлялся совершенно особеннымъ городкомъ, съ своими особенными законами, своимъ управленіемъ и своею, еврейскою полиціей. Въ него врывалось только насилие.

Въ описываемый нами вечеръ къ этимъ-то именно воротамъ съ прилегающей къ Рейну части христіанскаго города быстрыми и торопливыми шагами направлялся небольшого роста, худощавый и до-нельзя бѣдно одѣтый человѣчекъ, въ которомъ безъ всякаго труда съ перваго же разу можно было отличить еврея.

То былъ одинъ изъ недавнихъ вормскихъ изгнанниковъ, пять лѣтъ тому назадъ прибывшій туда изъ какого-то другаго, отдаленнаго германскаго городка вмѣстѣ съ значительною частью внезапно выгнаннаго оттуда же еврейскаго населенія.

Ребъ Елеазаръ — такъ звали нашего еврея — испыталъ на вѣку своемъ уже не малое количество такихъ насильственныхъ переселеній и этимъ-то обстоятельствомъ и объясняется то нищенское состояніе, въ которомъ мы его застаемъ. Нищета эта была причиною того, что о еврейскомъ происхожденіи его можно было заключать только по національно опредѣленнымъ очертаніямъ его лица, по

болѣе нежели чернымъ волосамъ его и глазамъ, а никакъ не по лохмотьямъ, въ которые былъ одѣтъ онъ и которые могли принадлежать нищему любой національности. Передъ этими лохмотьями оказывались безсильными всѣ предписанія христіанской администраціи города, придумавшей, какъ и почти повсемѣстно въ то время, особенный, унижительный мундиръ для евреевъ, какъ ради того, чтобы они всегда могли быть съ перваго же взгляда отличаемы отъ христіанъ, такъ и преимущественно ради того, чтобы они всегда сами сознавали и чувствовали свое униженіе. Но всѣ эти постановленія для ребъ Елеазара какъ бы вовсе не существовали. Правда, на немъ была узаконенная администраціей шляпа съ рогами, но эта шляпа до такой степени размякла и

Развалины мечети среди развалинъ гор. Байрамъ-Али.

Памятникъ надъ могилой Султана-Санджара въ развалинахъ гор. того-же названія.

Виды Закаспійской области. — Байрамъ-Али и Султанъ-Санджаръ.

Съ фотографій бр. Кондратенко рисов. А. Шилдьеръ.

ной, во-первыхъ, потому что и сама госпожа Мануйленко не знала толкомъ, чего ей именно надо, а, во-вторыхъ, и потому, что изъ старыхъ патрициевъ кругомъ почти никого не осталось; мелкопомѣстной же тѣлѣ своя рубашка была ближе къ тѣлу. Всѣ эти бывшіе чиновники, поповичи, даже сыщики въ отставкѣ отлично покушали у Мануйленко, съ удивленіемъ выслушали ее потомъ и, ничего не понявъ, приложились къ ея ручкѣ и разѣхались по домамъ. Результатъ всего этого былъ одинъ — результатъ неожиданный: недѣли черезъ полторы послѣ этого знаменитаго собранія Марія Васильевна получила отъ губернатора, своего пріятеля, посланіе, въ которомъ онъ между прочимъ сообщалъ ей: „что это вы задумали такое непонятное для вашихъ сосѣдей? Очевидно, очень они исполошились, потому что я получилъ отъ нихъ два анонимныхъ письма, изъ которыхъ посылаю вамъ одно наиболѣе характерное“. Письмо это оказалось доносомъ. Видимое дѣло отставной поновичъ или сыщикъ сообщалъ губернатору, что ея превосходительство, госпожа Мануйленко, призвавъ ихъ къ себѣ и угостивъ ихъ яствами и питіями, склоняла затѣмъ къ учрежденію законопреступнаго тайнаго общества, къ ниспроверженію и колебанію основъ направленаго, посему она Мануйленко общала имъ даже свое покровительство въ Петербургѣ и говорила, что самыя превозвышенные тамошніе сановники уже къ сему

Извѣстный гинекологъ, профессоръ Карлъ Шредеръ,
† 8-го февраля н. ст.

достаточно приуготовлены и весьма оной вредной и поносной пропагандѣ будутъ съ своей стороны рады и т. д. Въ заключеніе предусмотрительный мерзавецъ пояснялъ, что такъ какъ онъ человекъ маленький и сихъ превоз-

вышенныхъ первыхъ въ государствѣ сановниковъ весьма опасается, то имени своего открыть не желаетъ, а просить губернатора назначить тайнаго слѣдователя, и буде доносъ его окажется справедливымъ, то тогда онъ, яко оказавшій отечеству своему немаловажную услугу, явится въ свое время за наградой. Для того же, чтобы сомнѣній въ его личности не было, онъ сохранилъ у себя уголокъ отъ бумаги, на которой написано это письмо, и, предъявивъ его, такъ сказать, удостовѣрить свою личность.

Послѣ этого Мануйленко была совсѣмъ обезкуражена.

Она даже струсилла на первыхъ порахъ, но потомъ Бичурины ее „разговорили“.

— Кто бы это могъ быть?

— Я почти навѣрное знаю, отозвался управляющій.

— Именно?

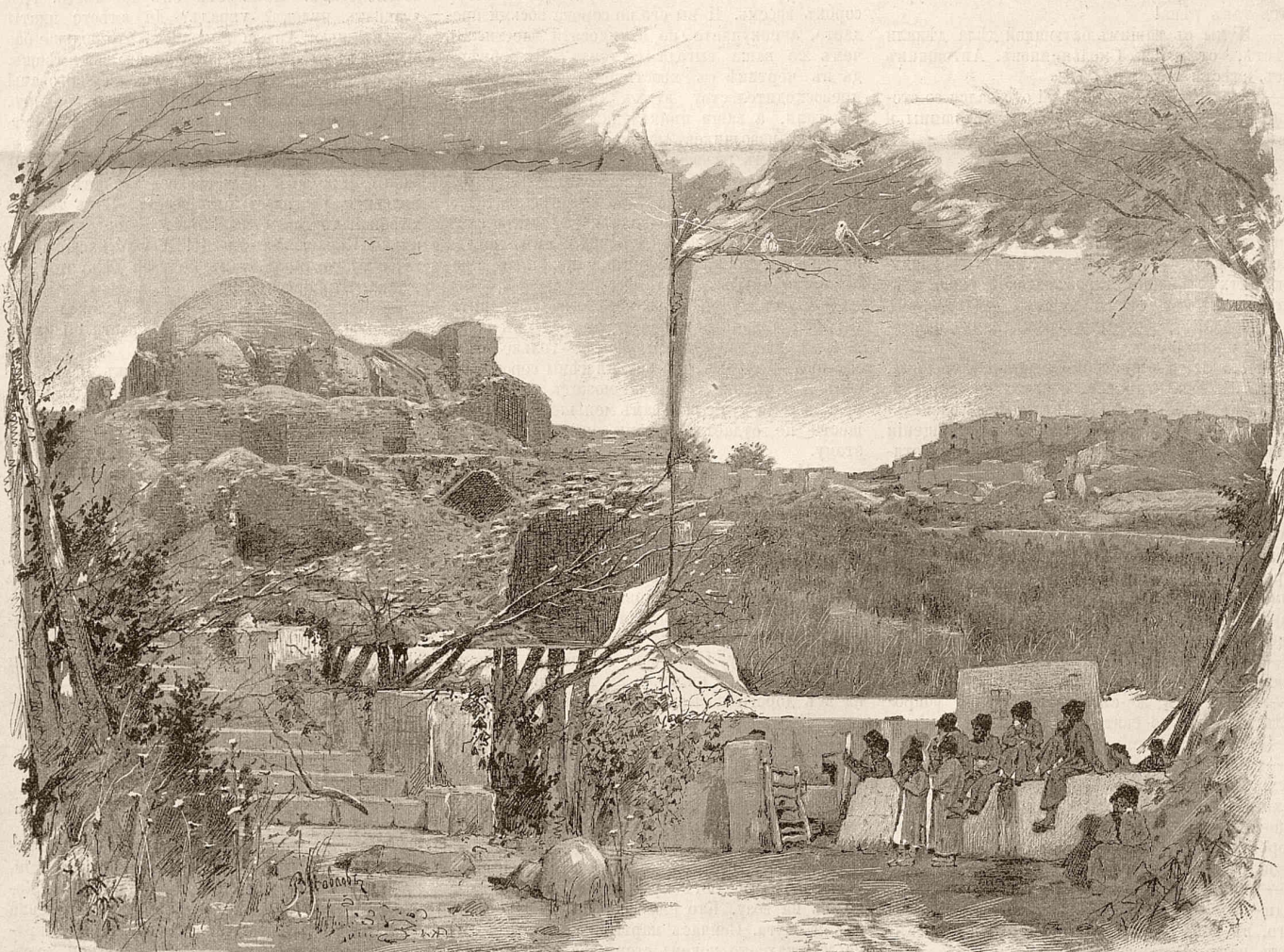
— Да и екто иной, какъ господинъ Монументовъ. Онъ у насъ въ семинаріи доносами отличался, да и теперь немало сельскихъ учителей и такъ молодыхъ людей, жившихъ здѣсь, своими доносами перегубилъ. Одна дѣвушка — милое и хорошее созданіе — изъ-за этого негодяя даже застрѣлилась.

— Вы его почеркъ знаете?

— Да; позвольте взглянуть. Это онъ, онъ, Монументовъ, и не кто иной.

— Вы въ этомъ совершенно увѣрены? спросилъ младшій Бичуринъ.

— Какъ же! Какъ въ томъ, что у меня на правой рукѣ перстень сейчасъ есть.

Байрамъ-Али. Развалины мечети.

Текинское село Шильганъ на курганѣ, обнесенное стѣною.
Текинцы въ селѣ Юсуфъ-Хана, слушающіе музыку кавк. казачьяго полка

Виды Закаспійской области. — Байрамъ-Али, Юсуфъ-Хана и Шильганъ.

Съ фотографій бр. Кондратенко рисов. В. Павловъ.

Офицерская улица въ Асхабадѣ.

Развалины мечети въ укрѣпленіи Дурунѣ.

Базарная улица въ Асхабадѣ.

Виды Закаспійской области. — Асхабадъ и Дурунѣ.

Съ фотографій бр. Кондратенко рисов. Н. Гречаниновъ.

рый приходится родным племянником князю Татарскому, и тетка его замужем за графом Повалищевым и т. д., следовало перечисление всех связей и родных юного гвардейца. Въ заключение письма генерал Мануйленко сообщил, что у Повалищева состояние, обеспечивающее правильный годовой доход въ пятьдесят тысяч. Между прочим генерал писал сестрѣ, что ему было-бы очень желательно видѣть Марусю замужем за Повалищевым, что послѣдній видѣлъ у него портрет племянницы и сходилъ съ ума по ней, что почва готова и т. д.; этой части письма она не сообщила Марусѣ, только ужъ очень нужна сдѣлалась съ ней.

(Продолженіе будетъ.)

Поездка по Закаспійской области.

I.

Совершившееся въ началѣ 1884 года присоединеніе Мервскаго оазиса къ русскимъ владѣніямъ поставило Закаспійскую область въ еще болѣе близкое соприкосновеніе съ соседними странами средней Азіи и тѣмъ, разумеется, расширило мирныя задачи нашей администраціи въ этой окраинѣ. Необходимо было прежде всего ознакомиться съ новыми нашими подданными, условиями ихъ быта, выяснитъ экономическія потребности ихъ населенія, призваннаго теперь къ мирной жизни, организовать болѣе соответствующее его понятіямъ управленіе и принять мѣры къ обеспеченію и развитію дружескихъ торговыхъ сношеній съ прилегающими къ вновь присоединенной территоріи мѣстностямъ.

Для непосредственнаго изученія всехъ этихъ вопросовъ и установленія затѣмъ руководящей программы дѣятельности мѣстной администраціи г. главнаго начальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга предпринялъ въ апрѣлѣ 1884 года поездку въ Закаспійскій край съ намереніемъ посѣтить тѣдженскій и мервскій оазисы. Ниже помѣщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о путешествіи князя А. М. Дондукова-Корсакова, который одновременно послужаетъ объяснительнымъ текстомъ къ ряду рисунковъ изъ Закаспійской области, помѣщеніемъ которыхъ мы начинаемъ съ настоящаго номера.

15-го апрѣля вечеромъ главнаго начальствующаго выѣхалъ изъ Тифлиса на экстренномъ поѣздѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ и на другой день въ полдень прибылъ въ Баку, гдѣ оставался до вечера для выслушанія докладовъ губернатора.

Въ 10½ часовъ князь выѣхалъ съ сопровождавшими его чинами переѣхалъ на казенный пароходъ „Шахъ-Насръ-Эддинъ“, который въ 5 часовъ утра 17-го апрѣля снялся съ якоря и взялъ направленіе къ острову Рау, лежащему въ Красноводскомъ заливѣ, верстѣ на 40 къ югу отъ Красноводска. Свѣжій нордъ, дувшій въ теченіи двухъ предшествовавшихъ сутокъ и лишь немного стихшій въ день отъѣзда, развѣлъ на морѣ довольно значительную выбѣ, а потому плаваніе сопровождалось довольно чувствительною качкою.

Въ 5 часовъ утра, 18-го апрѣля, пароходъ „Шахъ-Насръ-Эддинъ“, пройдя въ серединѣ между мысами Красноводскимъ и Куфальджемъ, отстоящими другъ отъ друга верстѣ на 20 и состоящими какъ-бы воротами въ Красноводскій заливъ, бросилъ якорь, не имѣя возможности, вслѣдствіе мелководія, продолжать путь въ Михайловскій заливъ. На этомъ пути могутъ ходить лишь мелкосидящіе суда, такъ какъ глубина Михайловскаго и Красноводскаго заливовъ къ югу отъ этого мѣста достигаетъ въ рѣдкихъ случаяхъ 13 фут., а чаще менѣе этого числа (7—8 фут.). Эта причина вынуждаетъ содержать для сообщенія между Красноводскомъ и Михайловскимъ укрѣпленіемъ особые не глубоко сидящіе военные пароходы. Одинъ изъ нихъ, пароходъ „Красноводскъ“, новѣйшей конструкціи и шегольской отдѣлки, прибылъ въ 7 часовъ къ назначенному мѣсту у острова Рау и, отсалютовавъ установленнымъ числомъ выстрѣловъ флагу главноначальствующаго, принялъ его сіятельство со свитою на бортъ.

Дальнѣйшій путь нашъ шелъ между рядомъ острововъ съ запада и берегомъ азіатскаго материка съ востока. На сѣверѣ, верстахъ въ 40—50, обрисовывались во мглѣ хребты Хуба-дагъ и Курынынь-Кары, за которыми живутъ туркмены-юмуды племени Шихъ. На востокѣ, недалеко отъ нашего пути, видѣлись ряды холмиковъ на цѣпи острововъ и на полуостровѣ Дарджа; тотъ же характеръ представляли островъ Челекень и материкъ. Вся эта однообразная картина нѣсколько оживлялась одинопарусной флегюй и баржей съ нефтью, привозимой изъ

Баку для надобностей закаспійской желѣзной дороги. По мѣрѣ движенія парохода мимо насъ мелькнули слѣва одинъ за другимъ острова: Рау, Кюсюкли, Гургюмюль, Калычъ, Узунъ-ада, Быкъ-Мамедъ, Когъ, Кумаръ и Марышего, отъ котораго путь сворачиваетъ въ Михайловскій заливъ. Съ правой же стороны нашего пути лежали острова: Бугуларъ, Ай-Кизиль, Рейхардтъ и другіе безименные, а за ними материкъ и узкій Михайловскій полуостровъ, за которымъ лежатъ бухта Кулутъ-узунъ съ весьма мелкимъ проливомъ въ 2—3 фута.

Всѣ эти острова и берега имѣютъ видъ невысокихъ песчаныхъ холмовъ, поросшихъ рѣдкимъ кустарникомъ саксаульникомъ, и совершенно необитаемы, за исключеніемъ полуострова Дарджа и острова Челекень, на которыхъ находится до 200 жителей туркменъ, занимающихся рыбною ловлею и добычею соли и нефти. На островѣ Челекень сдѣлано 14 буровыхъ скважинъ для нефти г. Палашковскимъ и 2 г. Нобелемъ; одна изъ скважинъ Нобеля давала даже фонтанъ. Впрочемъ, въ настоящее время эти сооруженія не дѣйствуютъ, такъ какъ нефть, привозимая изъ Баку, обходится дешевле, чѣмъ добываемая на Челекенѣ.

Въ 2½ часа пополудни, 18-го апрѣля, пароходъ „Красноводскъ“ остановился у пристани Михайловскаго залива, исходнаго пункта Закаспійской желѣзной дороги. Здѣсь, на длинной деревянной пристани, главноначальствующій былъ встрѣченъ начальникомъ закаспійской области, генералъ-лейтенантомъ А. В. Комаровымъ, почетнымъ карауломъ отъ желѣзнодорожнаго батальона и многими лицами мѣстной администраціи. Экстренный поѣздъ, управляемый чинами названнаго батальона, былъ поданъ на пристань, сажень за 60 отъ станціи.

Послѣ краткой остановки у Михайловской желѣзнодорожной станціи, окруженной небольшимъ числомъ построекъ, между которыми обращаетъ на себя особенное вниманіе опрыскатель, доставляющій воду почти на всѣ станціи дороги, поѣздъ двинулся и шелъ со среднею скоростью 40 верстъ въ часъ. Случилась пески, образовавшіе цѣлую систему довольно высокихъ (до 10—20 саж. надъ поверхностью моря) холмовъ, поросшихъ саксаульникомъ, придавали унылый характеръ окружающей мѣстности. Сильный вѣтеръ несъ цѣлыя тучи песка и пыли. Вершины холмовъ казались дымящимися вслѣдствіе переносимаго вѣтромъ песка съ одной покатости холма на другую. Въ вагонахъ стояла высокая температура, освѣтитъ которую не представлялось никакой возможности, такъ какъ въ отворенныя двери или окна вносились массы пыли. Приходилось мириться съ духотою. Не доѣзжая станціи Молла-кары дорога переѣзжаетъ старое русло Аму-Дарьи, въ которомъ стояла небольшая вода, какъ говорятъ, остатокъ доходящаго вѣдогда сюда морскаго залива. Станція Молла-кары расположена среди песковъ, которые продолжаютъ еще верстѣ на 10—20; затѣмъ полотно желѣзной дороги пролегаетъ по твердой, глинисто-песчаной почвѣ.

(Продолженіе будетъ.)

НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ВЫСТАВКИ.

I.

Выставка картинъ Ролана Водуэна.

(Большая Морская улица.)

Смотрѣвши выставку г. Водуэна, удивляемся его смѣлости. Въ самомъ дѣлѣ, нужно быть очень смѣлымъ, чтобы съ подобными яко-бы художественными произведеніями явиться въ чужую страну пожинать лавры. Безотрадное впечатлѣніе производитъ на зрителя эта выставка чего-то безземельнаго, бездушнаго и пошлаго. Г. Водуэнъ — у насъ въ Россіи мало извѣстный бельгійскій художникъ — хорошо владѣетъ кистью, даже если хотіе виртуозъ техническій; но на что онъ употребляетъ свою технику: вся выставка состоитъ изъ небольшихъ этюдовъ женскихъ головокъ (исключая трехъ вещей). Всѣ эти *красавицы* не имѣютъ никакого выраженія; нѣтъ въ нихъ ни мыслей, ни характера. Всѣ онѣ имѣютъ одинъ общій типъ женщинъ разгульной, каванной жизни. Лица этихъ *красавицъ* написаны однотонно, безколоритно, шаблонно. Право, такъ и кажется, что все это расписанные фотографическіе снимки. Названія этихъ картинъ вполнѣ оправдываютъ все мною сказанное о нихъ. Вотъ онѣ эти *красавицы*: „Лаура“, „Ирма“, „Берта“, „Роза“, „Лола“, „Бетти“, „Вланшъ“, „Эмма“, „Кара“, „Фина“, „Нетта“, „Шарлота“, „Гуліа“, „Тилиа“, „Одетта“. Рекламиралъ ихъ что-ли г. Водуэнъ. Кромѣ упомянутыхъ *красавицъ* есть на выставкѣ еще три картины довольно плохія. Дѣй-

ствъ ихъ: „La pêche“ и „Réverie“. На каждой картинѣ корсетная дѣвица въ лакированной лодкѣ. Одна сидитъ и удитъ рыбу; другая полужелитъ и на нее смотрятъ лебеди, подплывшіе къ лодкѣ. Обѣ дѣвицы очень деревянные. Обѣ портретно похожи одна на другую, только въ различныхъ платьяхъ. Обѣ не имѣютъ никакого выраженія. Картины не гармоничны и непріятны по колориту. И композиторъ плохой г. Водуэнъ. Еще есть картинка, изображающая какую-то куклу въ какой-то галлерей; эта картинка даже и по технике слаба. Съ тяжелыми, досадливымъ чувствомъ выходилъ съ этой выставки. И что думалъ г. Водуэнъ, отправляя эти картинны въ Россію?

PS. Еще замѣтка о картинѣ г. Клевера (см. „Всем. Иллюстр.“ № 944, 14-го февраля).

Въ двадцатыхъ числахъ февраля картина „Лѣсной царь“ выставлена была при дневномъ свѣтѣ. Жаль, что художникъ не выставилъ такъ свое произведеніе съ самаго начала выставки. Картина очень измѣнилась при дневномъ свѣтѣ и измѣнилась не въ пользу. Днемъ она гораздо холоднѣе по тону и нѣтъ того сочетанія въ краскахъ, которое было при ламповомъ освѣщеніи. При дневномъ свѣтѣ луна и небо не въ гармоніи съ нижней частью картины — землею. Г. Клеверъ и г. Собко издали листокъ съ рисункомъ картины „Лѣсной царь“ и съ стихотвореніемъ Гёте въ оригиналѣ Жуковского. На этомъ листкѣ подъ рисункомъ сказано: „Лѣсной царь“. Рис. съ картины проф. Клевера — Самокишъ. А въ одномъ изъ нашихъ иллюстрированныхъ журналовъ помѣщенъ этотъ же самый рисунокъ, какъ исполненный съ наброска самого автора картины. Кому вѣрить? Полагаю, что скорѣе можно повѣрить изданію г. Клевера.

II.

Выставка картинъ въ пользу Александровской больницы (собственность частныхъ лицъ).

(Большая Морская улица, д. № 109.)

Благотворительная выставка картинъ, собранныхъ отъ частныхъ лицъ, включаетъ въ себя до 60-ти картинъ; между которыми есть выдающіяся произведенія живописи. Преобладаютъ картины иностранныхъ художниковъ. Поражаютъ своими художественными достоинствами картина Кнауса „Я положу“. Картина эта безспорно перлъ на выставкѣ. Картина небольшая, съ одной фигурой старика; но что это за фигура. Это живой человѣкъ. Голова написана чрезвычайно правдиво. Въ этой живописи, въ этомъ прикосновеніи чуть не гениальной кисти есть что то святое. Такъ можетъ прикасаться кистью только человѣкъ награжденный высшими дарами природы. Такимъ человѣкомъ вполнѣ можетъ гордиться нѣмецкій народъ. Тутъ есть на что посмотрѣть, есть чему поучиться. Какъ сильно затрогиваетъ самое хорошее въ душѣ зрителя такая картина. Побольше-бы такихъ произведеній и почаще-бы смотрѣть ихъ. Какой душевный отдыхъ, какое эстетическое наслажденіе!

Хороша также картина Габріэля Макса „Мученица на престолѣ“. По всей картинѣ прорита чрезвычайно пріятная гармонія красокъ. Картина вся выдержана въ сѣренкомъ тонѣ, что вполнѣ соответствуетъ сюжету и даетъ должное впечатлѣніе. Написана мастерски и нѣжно. Не совсѣмъ реально, но за то тонко рисовано. Въ общемъ тонѣ картины много поэзіи.

Хорошо написана картина Берн-Белькура „Наполеонъ въ Фонтенебло“; но въ ней очень непріятна фигура одного изъ генераловъ, наклонившагося какъ то бокомъ къ Наполеону.

„Кунальщица“ — Кемерера, красивая композиція изящно написана. Въ общемъ же колоритѣ картины есть что-то ложное.

Дефрегера — неудачная вещь попала на выставку, по этой картинѣ совсѣмъ нельзя судить о колоритѣ даровитаго художника, жанриста тирольской жизни.

Шалленъ тоже не хорошъ; его картина, хотя и довольно большая, но не даетъ того пріятнаго впечатлѣнія и той прелести въ изображеніи женской фигуры, съ которыми онъ выступаетъ въ большинствѣ своихъ картинъ.

Хорошая вещь Вогте. Изъ иностранныхъ картинъ еще слѣдующія: Винеа, Добини — небольшой пейзажъ, хорошо написанный, но зеленъ по колориту; Грютцнеръ, Зейтцъ, Шенлиардъ, Тодтъ, Цимъ, Бейшлагъ, Геблеръ, О. Ахенбахъ, Линхартъ, Кауфманъ, Вольцъ, Кромберггеръ, Якобсонъ, Макаръ, Зихель и др.

Картины русскихъ художниковъ: Крамского, Харламова, Орловскаго, Клевера, Шинкина, Якоби, Рубо, Волкова, Кившенко, М. К. Клодта, Джокера, Пахтотова, Судковского, Куинджи и др.

Хорошо написанный и пріятный по колориту женскій портретъ Крамского производитъ очень отрад-

Всемирная Иллюстрація

№ 948. Годъ XIX.]

14-го марта 1887 г.

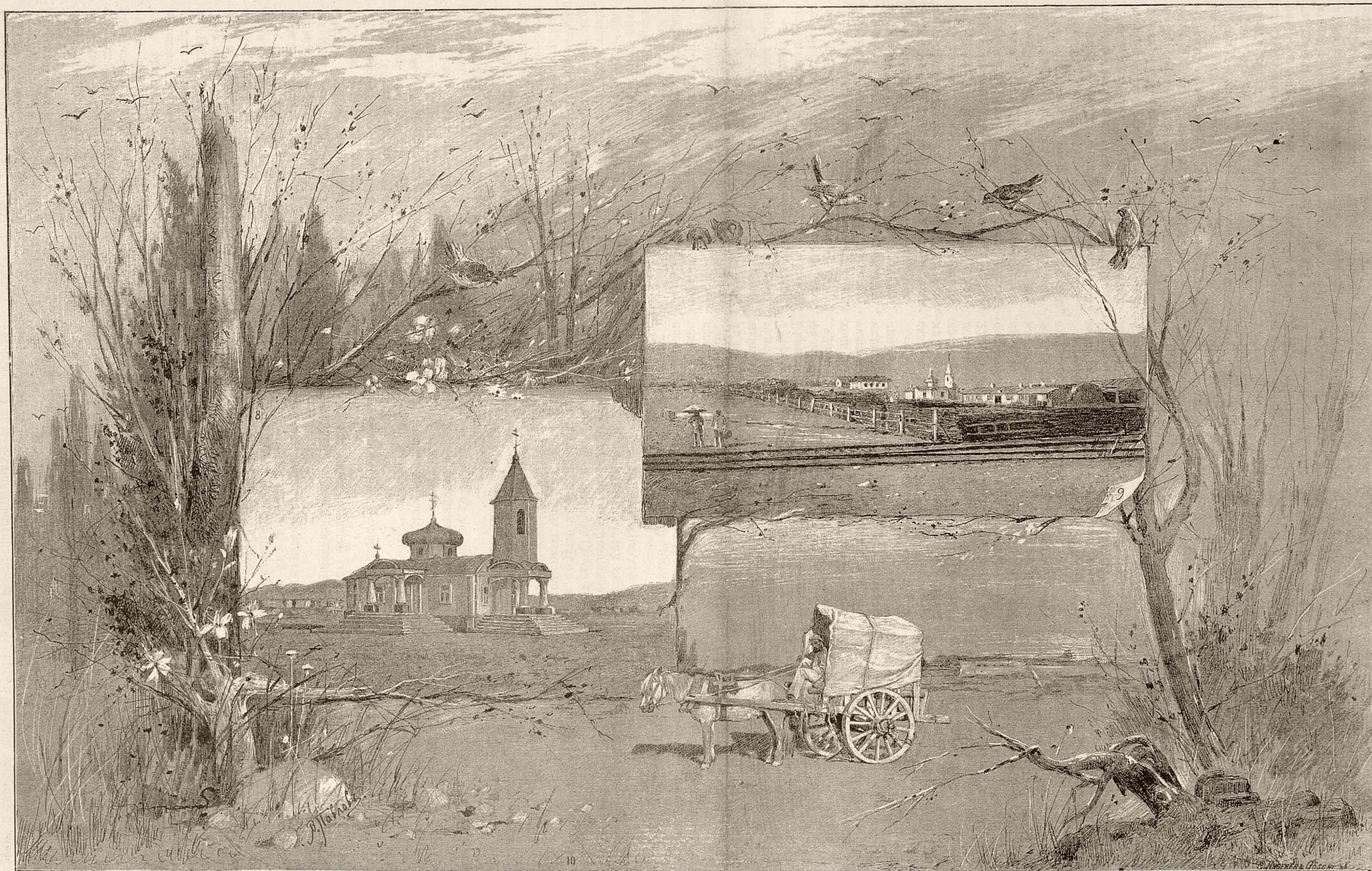
[Томъ XXXVII. № 12.

ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Иностранные художники. — Иисусъ, несущій крестъ свой.

Гравюра съ вновь открытой картины Леонардо да-Винчи.

Церковь въ Кизиль-Арватъ.

Видъ на Кизиль-Арватъ.
Употребительнѣйшій экипажъ для переѣзда между Асхабадомъ и Сераксомъ.

Виды Закаспійской области. — Кизиль-Арватъ.

Съ фотографій бр. Кондратенко рисов. В. Павловъ.

слез за нее, ни фарисейской любви къ ней, ничего того, словомъ, что такъ характеризуетъ цѣлое полчище современныхъ поэтическихъ пигмеевъ. Тутъ нѣтъ ни эпитетовъ, ни посвященій, ни обычныхъ посланій „къ ней“; нѣтъ ни воспоминаній о прошломъ, ни ожиданій будущаго. Однако, что-же вдохновляетъ этого поэта, умалчивающаго обо всемъ, что такъ усердно воспеивали его предшественники и сверстники? Но нужно оговориться. Въ цѣлой массѣ стихотвореній, вошедшихъ въ сборникъ, есть нѣсколько совершенно неудачныхъ, много невыдержанныхъ, страдающихъ растянutosью и, конечно, не по этимъ слабымъ вѣщамъ мы намѣрены судить о силѣмъ сторонѣхъ несомнѣннаго дарованія. На свѣтъ нѣтъ ничего совершеннаго и даже на солнцѣ, какъ извѣстно, есть темныя пятна; но они не мѣшаютъ намъ пользоваться его свѣтомъ и его теплотой, и мы великодушно прощаемъ ему его маленькіе недостатки. Все, чѣмъ можно упрекнуть г. Фофанова, это — маленькая неразборчивость въ составѣ книги, что однако съ избыткомъ оправдывается желаніемъ молодого поэта собрать, по возможности, всѣ плоды своихъ вдохновеній. Итакъ, въ чемъ же заключается его сила? какова его поэтическая физиономія и весь складъ его отношеній къ міру? Но пусть онъ говоритъ самъ за себя. Возьмемъ одно изъ трагичнѣйшихъ стихотвореній, помѣщающееся на страницѣ 66-й:

Какъ-то ночью очень поздно
Я гулялъ въ саду безъ цѣли.
Было тихо... было звѣздно...
Словы въ кустахъ запыли.
Словы въ кустахъ запыли,
И отклонуся имъ пѣсней;
Мнѣ въ отвѣтъ пернатыхъ трели
Полились еще чудеснѣй.
И внимали намъ сосѣди —
Бѣлостольныя березы,
И отъ зависти ихъ вѣтки
Тихо сгибали слезы.

Какая поэзія, музыка и живопись! Что можетъ быть проще этого и вмѣстѣ съ тѣмъ фантастичнѣе! Какая прелестная связь явленій, замкнутыхъ въ картинку весенней ночи! Какую высокую гармонію приобратили эти явленія, отразившись въ душѣ поэта! Словыныя трели и плакучія березы. Что общаго между ними? Въ чемъ ихъ поэзія? Она не можетъ заключаться въ голыхъ фактахъ, въ сущности очень обыденныхъ, но сопоставленіе и взаимодѣйствіе ихъ оригинально, мило, почти наивно, и это фантастически-простое ихъ освѣщеніе невольно сообщаетъ знакомой картинѣ какой-то новый ореолъ. Или вотъ еще образчикъ этой пѣтной фантазіи:

Ива съ дубомъ, мечтая, расли у пруда.
Дубъ тянулся все къ небу прекрасному,
Гдѣ веселя звѣзды подъ вечеръ всегда
Зажигались свѣтъ міру страстному.
Ива вѣтъ наклонялась къ зеркальнымъ струямъ,
Къ тѣмъ струямъ, что свѣтила несчетныя
Огражали въ себѣ по осеннимъ ночамъ,
Да журали сказаныя привѣтныя.
Не доросъ дубъ до тверди небесъ голубой,
Ива вѣтви зеленая выгнула
И коснулась воды, и омылась водой.
А горячихъ свѣтилъ не достигнула.

Сколько человѣчности въ этомъ чуткомъ пониманіи природы, сколько жизни и какъ бы невысказанной мысли поэтъ угадываетъ въ ея величавомъ молчаніи. Что ни слово — то новый образъ, не говоря уже о звуочной мелодіи стиха. Какая сжатость и вмѣстѣ съ тѣмъ какая сила! Ничего лишняго, все въ мѣру. Отбросьте какую-нибудь подробность, какой-нибудь эпитетъ — и вся картина поблѣднѣетъ въ своей волшебной живописности. Собственно говоря, въ подобныхъ вещахъ, исполненныхъ внутренней поэзіи содержанія, вишняя форма отходитъ на второй планъ. Размыслите эти стихи, переложите ихъ въ прозу, и какова бы она ни была — впечатлѣніе не измѣнится. Противъ такой пытки могутъ устоять лишь очень немногія стихотворенія во всей нашей поэзіи, а въ книгѣ г. Фофанова мы находимъ ихъ не одно. Такъ, на стр. 145-й помѣщена сказка „Каменотесъ“. Въ книгѣ она занимаетъ добрыхъ три страницы, и потому намъ приходится отказаться отъ желанія выписать ее дословно. Но вотъ ея содержаніе. Каменотесъ, не разъ мечтавшій о славѣ и богатствѣ, засыпаетъ и во снѣ видитъ себя царемъ. Онъ окруженъ смиренными рабами, несущими его на пыльных носилкахъ, и все покоряется его державной волѣ. Только палящее солнце не падаетъ его: жегетъ горько и осѣняетъ взоръ. И вотъ царь повелевалъ солнцу, и небеса услышали его молитву. Но однажды солнце затмилось тяжелой тучей и горько возопило на свое безсиліе.

О, небеса, зачѣмъ я только солнце,
Не лучше-ль быть властительней-тучей!

И небеса услышали молитву: солнце разлилось въ тучу, грянулъ громъ, запылали градъ и разъяренныя воды океана съ рычаніемъ попирали къ задумчивой скалѣ, которая спокойно возвышалась, какъ-бы смѣясь надъ бѣшенствомъ волны. И туча въ зависти воскликнула:

О, небеса, зачѣмъ я не скала!

Туча стала гордою скалою. Однако ея покой продолжался недолго. Несокрушимая для волнъ, она почувствовала разрушительные удары, которые ей наносилъ молотъ каменотеса. Скала позавидовала могучему ничтожеству этого человѣка. Небо вняло ея молитвѣ и... въ эту минуту каменотесъ проснулся. Онъ вспомнилъ все, какъ онъ былъ царемъ и солнцемъ, и тучей и, наконецъ, скалою...

И, вспомнивъ все, онъ трудъ благословилъ
И, молотъ взявъ въ моголистую руку,
Промолвилъ онъ съ задумчивой улыбкой:
„У каждого могущество свое“.

И заключительный аккордъ этой пѣснки не составляетъ никакого диссонанса съ цѣлымъ міросозерцаніемъ поэта. Сколько свѣта, и жизни, и мысли и любви онъ находитъ тамъ, гдѣ другіе видятъ только леденія сумерки.

Покуда я живу — вселенная сияетъ,
Умру — со мной умретъ безталанно она...

говорить онъ и остается вѣрять этимъ словамъ. Въ ней, въ этой сияющей вселенной, онъ черпаетъ бодрость духа, энергію жизни, а съ нею вмѣстѣ и горячую привязанность къ настоящему. Онъ не оглядывается на прошлое, не заглядываетъ въ будущее, онъ еще не имѣетъ воспоминаній и не нуждается въ надеждахъ. Онъ еще не понесъ ни тяжелыхъ утратъ, ни горькихъ разочарованій, онъ еще полонъ благоговѣйнаго созерцанія красоты міра, и его пѣснь слогается въ гимны и въ дифирамбы.

Мы начали нашу замѣтку ссылкой на два господствующихъ теченія русской поэзіи. Мы указали на тенденцію шестидесятихъ годовъ и на ея духовную связь съ дерюбинской поэзіей мировой скорби. Мы отмѣтили начинающійся возвратъ къ традиціямъ Пушкина. Мы очертили музу г. Фофанова и теперь должны поставить его въ число самыхъ блестящихъ послѣдователей пушкинской школы. Но она слава солнцу и она слава звѣздамъ. Та изумительная универсальность, та глубина поэтической мысли, та высоко художественная объективность, которая ставятъ Пушкина въ ряды величайшихъ мировыхъ гениевъ, лишь въ слабой степени отразились въ произведеніяхъ молодого поэта. Его будущая дѣятельность точнѣе опредѣлитъ и его положеніе въ исторіи нашей литературы. Остается опасаться только, что сила поэта можетъ современно стать его недостаткомъ. Обиліе фантазіи, развивавшееся далѣе, можетъ легко перейти въ мистицизмъ и суевѣріе, которые нарушатъ равновѣсіе поэтическихъ элементовъ еще неокрѣпшаго таланта. Къ сожалѣнію, нѣкоторые симптомы болѣзненно развивающагося воображенія сказываются уже и теперь. Многія вещи, которыхъ мы не привели, нерѣдко переходятъ границы возможнаго и даже понятнаго. Но пора кончить. Мы очертили поэзію г. Фофанова преимущественно съ ея блестящей, лицевой стороны, и если въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ много поверхностнаго и ошибочнаго, то пусть другіе, болѣе призванные, дополнятъ и поправятъ насъ.

А. К.—овъ.

Поездка по Закаспійской области.

II.

Въ сѣверу отъ дороги, въ неравныхъ разстояніяхъ отъ нея, тянутся голыя Бахланскія горы довольно значительной высоты. Далѣе, на сѣмѣ Бахланскаго хребта, теряющагося въ равнинѣ, появляются такія же горы, но съ юго-восточной стороны и не оставляющія уже дороги до самаго Кизыль-Арвата, конечнаго пункта Закаспійской желѣзной дороги. Прибывъ на эту станцію около полуночи и переночевавъ въ вагонѣ, главнаго начальствующій съ сопровождавшими его лицами выѣхалъ 19-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, далѣе въ экипажѣ, на лошадахъ, специально для того приготовленныхъ, такъ какъ до того не существовало еще пассажирскаго почтового сообщенія между Кизыль-Арватомъ и Ахсабадомъ, и всѣмъ будущимъ приходилось совершать этотъ путь на таратайкахъ при посредствѣ промышленниковъ, преимущественно армянъ, бравшихъ за 216-тиверстное разстояніе до Ахсабада не менѣе 60 рублей съ повозки. Теперь съ открытіемъ желѣзной дороги дѣятельность этого рода экипажей перешла на путь отъ Кахка къ Серахсу и Мерву.

Вопросъ о правильномъ почтовомъ и пассажирскомъ сообщеніи въ Закаспійскомъ краѣ, разрушившійся въ нынѣшнемъ году проложеніемъ желѣзной дороги, еще полгода тому назадъ составлялъ самый существенный пробѣлъ въ удобствахъ жизни въ области. Полгода тому назадъ слѣдующіе по казенной надобности принуждены были платить чуть не въ два и три раза болѣе противъ отпускавшихся имъ по положенію прогоновъ.

Дорога наша отъ Кизыль-Арвата до Бама шла по

пустынной каменной мѣстности, которая только на 32-й верстѣ, у сел. Кодишъ, нѣсколько оживляется небольшими пашнями, воздѣлываемыми мѣстными жителями; далѣе на 15-ти-верстномъ разстояніи тянется пустыня вплоть до сел. Бама. Здѣсь, какъ у пункта бывшаго скопленія войскъ, ослѣдъ значительное число торговцевъ, обзаведшихся глиняными бочками или менѣе удобными постройками. Въ день нашего пріѣзда всѣ онѣ были украшены флагами въ знакъ привѣтствія главнаго начальствующаго.

Поздоровавшись съ жителями-текинцами, въ числѣ которыхъ находился старшій сынъ бывшаго защитника Гекъ-Тене, умершаго Тымка-сардаря, и разспросивъ бамайскихъ торговцевъ о ходѣ ихъ дѣлъ, главнаго начальствующій принялъ почетный караулъ отъ 5-го закаспійскаго стрѣльцова батальона и послѣ завтрака подъ небольшою группою деревъ продолжалъ путь. Къ вечеру мы прибыли къ казанскому посту Дурунъ, во дворѣ котораго стоитъ довольно хорошо сохранившаяся мечеть.

Въ 9 час. вечера мы достигли Гекъ-Тене — мѣста расположенія 2-го закаспійскаго стрѣльцова батальона, гдѣ устроены были почта. На другое утро, 20-го апрѣля, главнаго начальствующій осматривая вновь возведенныя казармы, примѣняющія къ климатическимъ условіямъ области. Такого же типа казармы устроены и въ Ахсабадѣ для 3-го стрѣльцова батальона. До сего времени нижніе чины помѣщались въ небольшихъ мазанкахъ, что естественно представляло много серьезныхъ неудобствъ. Остается еще желать, чтобы въ казармахъ новаго типа были устроены деревянные или асфальтовые полы вмѣсто глиняныхъ, которые даютъ очень много пыли. Настоящее расположеніе штабъ-квартиры Гекъ-Тене противъ ущелья Гермьябъ, изъ котораго всегда дуетъ холодный вѣтеръ, нельзя признать удачнымъ какъ вслѣдствіе поднимаемой этимъ вѣтрами пыли, такъ и по причинѣ вызываемыхъ ими простудныхъ болѣзней. По мнѣнію военно-медицинскаго инспектора весьма удобное мѣсто для стоянки войскъ могло бы быть избрано у подношья горъ, въ верстѣ отъ настоящаго расположенія, по направлению къ Ахсабаду.

Отъ штабъ-квартиры Гекъ-Тене, лежащей въ 12-ти верстахъ къ юго-западу отъ знаменитаго текинскаго укрѣпленія того же имени, до Ахсабада расположилось довольно густое населеніе, представители котораго выходили на встрѣчу главнаго начальствующаго. Населеніе это повидимому исполнѣло довольно настоящимъ своимъ положеніемъ, такъ какъ, по словамъ жителей, трехлѣтній миръ и спокойствіе въ этой странѣ дали имъ возможность, не боясь ежеминутно за свою жизнь и цѣлость имущества, развить свое скотоводство и расширить свои запасы. Главнаго начальствующій, благодаря жителей за привѣтствія, софтовалъ имъ при каждой встрѣчѣ разумно пользоваться своимъ настоящимъ обезпеченнымъ положеніемъ для улучшенія своего благосостоянія и быть честными подданными Государя.

Въ 11 часовъ утра того же дня состоялся въѣздъ главнаго начальствующаго въ Ахсабадъ, въ которомъ по маршруту назначались двѣ дневки. При въѣздѣ въ городъ устроены были триумфальные ворота съ надписью: „отъ русскаго ахсабадскаго общества князь А. М. Дондукову-Корсакову“. Здѣсь представители торговаго сословія привѣтствовали князя хлѣбомъ-солью. Жители ближайшихъ окрестностей селеній увеличивали собою массу народа, собравшагося встрѣчать главнаго начальствующаго. Его сіятельство остановился въ домѣ полковника Муратова, на Офицерской улицѣ, насчитывающей до 10-ти — 15-ти очень приличныхъ на видъ одноэтажныхъ домиковъ; кромѣ нихъ въ Ахсабадѣ найдется еще десятка три хорошо отстроенныхъ домовъ. Всѣ они, будучи новы, смотрятъ весело, свѣтло. Дома въ этомъ городѣ обходятся вообще недорого, такъ какъ кладутся изъ необожженнаго кирпича, весьма вязкой глины и кроются камышомъ, связываемымъ тою же глиной. Деревянныхъ половъ очень мало, потому что доски, доставляемыя изъ Астрахани, обходятся очень дорого. Для штукатурки имѣется прекрасная гаша и потому дома внутри отдѣлываются съ нѣкоторой претензіей на изящество, преимущественно въ персидскомъ вкусѣ. За то далеко несприятельныя домики длинной базарной улицы, населенной персами, еврейми, венгерцами, а главное — пушинскими армянами. Всѣ они (эти жители) за исключеніемъ двухъ — трехъ работаютъ съ небольшимъ капиталомъ и разсчитываютъ на тароватость русскаго офицера и солдата. Текинцы для здѣшнихъ торговцевъ плохіе потребители, ибо обходятся своими мѣстными средствами. Къ тому же въ городѣ всякаго рода торговцевъ гораздо болѣе, чѣмъ въ нихъ ощущается потребность, почему и дѣла ихъ идутъ очень вяло. Большимъ подспорьемъ для здѣшнихъ мелкихъ торговцевъ служитъ московская фирма Коншина, торгующая оптомъ; обороты ея, по убѣренію армянъ-торговцевъ, достигаютъ до 30—40 тысячъ въ недѣлю и совершаются главнымъ образомъ съ Персією.

Зелени въ Ахсабадѣ много: при каждомъ почти домѣ имѣется хорошенькій садикъ и кромѣ того городской садъ для общественныхъ гуляній съ дѣльной театальной сценой и эстрадой для танцевъ; въ крѣ-

пости же помещается клубъ, гдѣ еженедѣльно собирается аскабаское, преимущественно военное, общество.

(Продолженіе будетъ.)

НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ВЫСТАВКИ.

Выставка картинъ въ императорской академіи художествъ.

I.

Говорятъ — большая выставка въ нынѣшнемъ году въ академіи художествъ. И дѣйствительно большая: до 400 номеровъ. Но по существу право было бы лучше, отраднѣе, если бы она не имѣла такого громаднаго числа *номеровъ*. Въѣдъ сколько тамъ такихъ вещей, которыя не должны бы были быть на выставкѣ, которыя портятъ выставку и которыя не даютъ возможности зрителю вынести цѣлое, хорошее впечатлѣніе, которыя засоряютъ глаза смотрящаго и заглушаютъ собою маленькія талантливыя картинки. Нѣкоторые думаютъ, что хорошия картины еще больше выиграютъ, находясь между плохими, что онѣ еще больше будутъ сѣять между художественнымъ хламомъ, что моль золото и въ грязи блеститъ; но въѣдъ никто же умышленно не бросаетъ золота въ грязь. И, позволяете вамъ спросить, какое впечатлѣніе произведетъ на васъ цѣтникъ, даже изъ самыхъ лучшихъ цвѣтовъ, заросшія, заглушенныя сорняками травами? Въѣдъ вы, я думаю, не скоро разсмотрите цвѣты и не скоро отыщите лучшіе экземпляры, да еще при этомъ обожаетесь нѣсколько разъ крапивою, что конечно не доставитъ вамъ удовольствія, не говорю ужъ о наслажденіи; и не отдохнете вы въ такомъ цѣтничкѣ, а напротивъ вы страшно устанете, если возьмете на себя трудъ отыскать и разсмотреть всѣ цвѣты, заглушенные нахальнымъ бурьяномъ. Но не бурьянъ тутъ виноватъ, а тотъ хозяинъ, которому принадлежатъ цѣтникъ, и тотъ или тѣ садовники, которые должны смотрѣть за цвѣтами, должны вырывать сорняки. Нельзя похвалить также садовника и за то, что онъ не сумѣлъ толково разместить цвѣты такъ, что нѣкоторые экземпляры почти невозможно замѣтить, разсмотреть. Гуляете вы вокругъ клубовъ, засматриваете то съ одной, то съ другой стороны, выгибаетесь, чтобы разсмотреть что-то интересное, но маленькое, посаженное внутри клубовъ и окруженное большими цвѣтами. Несмотря на всѣ ваши старанія, вы не можете разсмотреть этого интереснаго растенія и начинаете сердиться и обвинять садовника за неумѣльную раскладку цвѣтовъ. Но довольно погуляли вы заглохшимъ цѣтничкѣ, устали, пазмутились. На выставку теперь.

Опять нѣкоторыя странности не даютъ говорить о каждой картинѣ отдѣльно. Ну, скажите, пожалуйста, чѣмъ вы объясните слѣдующее: накануне академической выставки было нѣсколько отдѣльныхъ выставокъ въ Петербургѣ, т. е. нѣкоторые художники отдѣльно, самостоятельно дѣлали выставки только изъ своихъ произведеній и брали за это входную плату, и всѣ пестербуржцы, интересующіеся искусствомъ, сѣдѣли на эти выставки, не желая пропустить ихъ, боясь не увидѣть большаго этихъ произведеній (выставки эти имѣли большой успѣхъ). Теперь мы видимъ тѣ же самыя произведенія и на академической выставкѣ. А мы еще говорили, что по правиламъ академическихъ выставокъ произведение, бывшее на другой какой-либо выставкѣ, не принимается. Вотъ тутъ и въѣдъ тому, что говорятъ! Значитъ, не правда. Значитъ, каждое художественное произведение, гдѣ бы и когда оно ни было выставлено — въ академіи на выставку помѣстить можно. Значитъ, не всегда въ академіи на выставкѣ увидишь произведение въ *первый* разъ. Нѣтъ, гг. художники, не надуете больше. Теперь не пойдемъ на отдѣльныя выставки, а подождемъ академической, увидимъ и здѣсь ваши картины! Этотъ разговоръ я слышалъ въ академіи на выставкѣ. Господа, зачѣмъ же позволять говорить подобныя вещи! Два раза былъ на выставкѣ и все не могу найти картину г. Бурова — «Императоръ Петръ I посѣщаетъ въ казематѣ Петропавловскаго крѣпости князя Матвѣя Гагарина, бывшаго сибирскаго губернатора, въ юнѣ 1721 года». Такое длинное названіе картинъ; сюжеты историческіе; полагаю — картина не малой величины и не могу найти. Вотъ что значитъ много *номеровъ*! А, можетъ быть, ее и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ на выставкѣ; тогда зачѣмъ же она помѣщена въ каталогъ? Въѣдъ не помѣщаютъ же въ каталогъ картинъ, не принятыхъ на выставку. Да должно быть и не было такихъ картинъ, которыя не приняты. Въѣдъ тутъ все зависитъ отъ желанія автора, ну, а кто же самъ позволяетъ, чтобы его картину не приняли. Напр. нѣкоторые изъ учениковъ акаде-

міи пожелали помѣстить свои картины на выставку и помѣстили. И, судя по достоинству картинъ, они помѣстили ихъ только потому, что пожелали.

Вообще не понимаю, зачѣмъ на большихъ годичныхъ академическихъ выставкахъ являются работы учениковъ (академистовъ) академіи. Въѣдъ для показанія ученическихъ работъ есть специальная выставка ежегодно въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Или полагаютъ, что можно украсить выставку нѣкоторыми ученическими работами, такъ это ошибочно, потому что сами работы доказываютъ противное. Прежде этого избѣгали, и никто отъ этого не страдалъ — ни ученики, ни публика. А теперь много фамилій учениковъ, много совѣтъ новыхъ фамилій *любителей-художниковъ* и мало хорошихъ, серьезныхъ произведеній. Прочитавши въ газетахъ объявленіе о выставкѣ въ академіи художествъ и увидяши изъ этого объявленія, что эта выставка имѣетъ два каталога — одинъ простой и другой иллюстрированный — приобретаю оба; хотя необходимо сказать, что иллюстрированное изданіе — не каталогъ, а «Альбомъ академической выставки», что и напечатано на покрышкѣ этого изданія (въ газетномъ объявленіи ошибка, должно быть, была), и дѣйствительно это не каталогъ, а альбомъ, составленный изъ нѣсколькихъ картинъ выставки и одной добавочной (не имѣющейся на выставкѣ), которую я видѣлъ года 3—4 тому назадъ выставленной въ Петербургѣ; картина эта Г. И. Семирадскаго — «La soupe ou la femme». И странно, когда я подошелъ къ мѣсту, гдѣ продаются входные билеты и каталоги и, увидѣвъ отдѣльную группу иллюстрированного изданія, принявъ его за иллюстрированный каталогъ, къ которому приложенъ специальный продавецъ, и спросилъ *иллюстрированный каталогъ*, то продающій любезно подалъ мнѣ изданіе съ надписью «Альбомъ академической выставки». Изъ деликатности я, конечно, не сказалъ, что я спрашивалъ не то и что мнѣ нуженъ *каталогъ*, а не *альбомъ*, заплатилъ 1 руб. и началъ разсматривать изданіе, въ концѣ котораго есть «Алфавитный указатель академической выставки». Вдругъ: «*Лучше, С. Я. 166. Бояринъ Никита Романовичъ объявляетъ Аннѣ Васильковнѣ рѣшеніе царя о ссылкѣ ея въ Суздальскій монастырь*». Начиная припоминать — нѣтъ такой картины на выставкѣ. Спрашиваю по дѣйствительному каталогу — въ немъ тоже нѣтъ. Смотрю дальше: «*Шарлеманъ, А. I. 265. Той подѣ Горныиъ Дубинкомъ (12-го октября 1877 г.)*». Помню и этой картинѣ нѣтъ на выставкѣ. Опять спрашиваю по каталогу дѣйствительному — нѣтъ и тамъ. Потомъ на первой страницѣ альбома къ тексту предисловія приложенъ рисунокъ перомъ г. Самокиши, изображающій двухъ артиллеристовъ съ пушкой и запряженными лошадьми, смотрящихъ на трубаку, сидящаго на лошади. Въ срединѣ этого рисунка четырехугольная вырѣзка, въ которой отпечатано слово предисловіе. Согласитесь, въѣдъ нельзя же предположить, что художникъ, рисуя артиллеристовъ, думалъ о предисловіи къ альбому академической выставки. Значитъ просто *очень удачно подобранъ* случайный рисунокъ къ предисловію. Куриное изданіе! На покрышкѣ альбома выставлена фамилія «*Г. И. Булаковъ*». Невольно является вопросъ: съ какой цѣлью и для чего изданъ этотъ альбомъ?

(Продолженіе будетъ.)

О П Е Ч А Т К И.

Въ № 947, на страницѣ 219, въ статьѣ «Наши художественныя выставки», въ третѣмъ столбцѣ, на 28-й строкѣ, вмѣсто слова «оригиналъ» слѣдуетъ читать *переодъ*.

Въ томъ же столбцѣ, строка 37 снизу, вмѣсто «мученица на престолѣ» слѣдуетъ читать *христіанская мученица*.

9-го (21-го) марта 1887 г.

Все, что мы можемъ сказать здѣсь о наиболее выдающемся и сенсационномъ событіи нашей внутренней политики за прошлую недѣлю, ограничивается конечно тѣми официальными свѣдѣніями, которыя дошли о немъ до русской публики. Въ минувшую среду, 4-го марта, «Правительственный Вѣстникъ» напечаталъ краткое извѣщеніе, что три дня тому назадъ, въ воскресенье, 1-го марта, на Невскомъ проспектѣ были арестованы около 11-ти часовъ утра три студента зѣлшнаго университета, у которыхъ при обыскѣ были найдены разрывныя снаряды съ динамитомъ и наполненными трихлоридомъ свинцовымъ пулями, и что арестованные сознались въ принадлежности къ тайному преступному сообществу. Городскіе слухи, быстро распространившіеся еще на другой день послѣ задержанія этихъ злодѣевъ, называли правду ихъ имена и указывали весьма опредѣленно на

ихъ происхождение, но никакое официальное извѣстіе не подтверждало этихъ слуховъ, равно какъ и другихъ, имѣвшихъ съ ними прямое соотношеніе. Три дня спустя изъ того же «Правительственного Вѣстника» стало извѣстно, что въ пятницу, 6-го марта, ректоръ с.-петербургскаго университета собралъ всѣхъ студентовъ этого высшаго учебнаго заведенія въ университетской актовъ залѣ и въ присутствіи попечителя петербургскаго учебнаго округа, его помощника, а равно и всѣхъ профессоровъ произнесъ краснорѣчивую, глубоко возмущающую рѣчь о необходимости очистить университетъ отъ постигшаго его позора подачею корпоративнаго всеподданнѣшаго адреса, протестующаго противъ гнуснаго дѣла, совершеннаго тремя только въ нынѣшнемъ году вступившими въ университетскую семью студентами. Предложеніе ректора было принято съ восторгомъ всѣми присутствующими, всецѣло раздѣлявшими очевидно чувство краснорѣчиваго оратора.

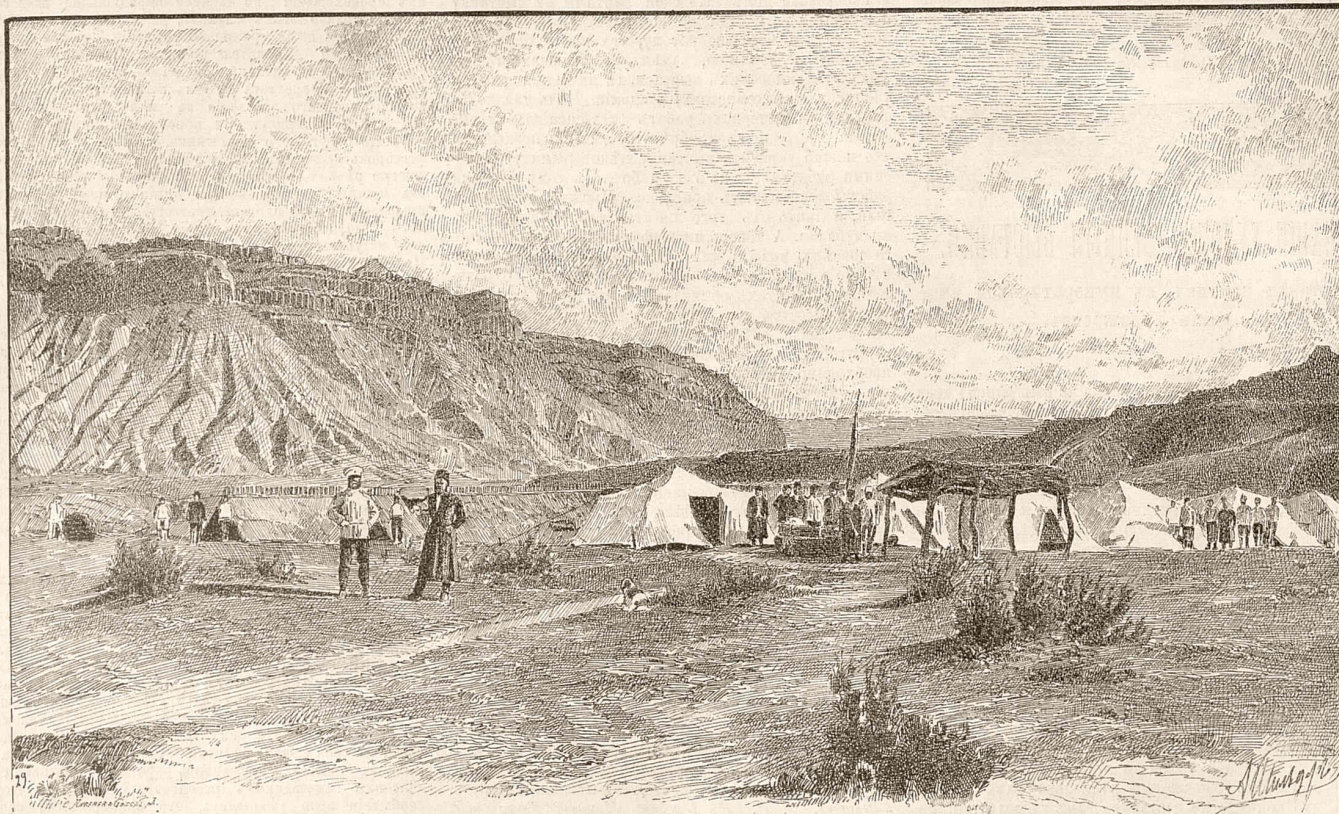
Днемъ позже въ томъ же «Правительственномъ Вѣстникѣ» былъ напечатанъ всеподданнѣшій адресъ жителей одной казачьей станицы земли Войска Донскаго, изъ котораго стало извѣстно, что какой-то казачій офицеръ Черновъ дерзнулъ «выразить свое недовольство» противъ правительства и верховной власти. Земляки этого Чернова, глубоко негодуя на такой поступокъ, умоляли въ своемъ адресѣ Державнаго повѣлителя Россіи не считать ихъ хотя бы въ чемъ-нибудь солидарными съ подобнымъ безумцемъ и дозволятъ имъ переименовать одно изъ селеній станицы, носящее имя «поселка Чернова», замѣнивъ его именемъ «поселка Николаевского». Адресъ подписанъ его составителями еще 13-го февраля и относится очевидно къ факту, не находящемуся въ прямой связи съ арестами 1-го марта.

Нужно ли говорить о томъ, что упомянутые аресты вызвали въ заграничной печати самыя нежные толки и комментаріи? Въ этихъ глупыхъ и гнусныхъ толкахъ приняла по общаго дѣятельное участіе и берлинская печать какъ разъ около того времени, когда въ началѣ нынѣшней недѣли во всѣхъ петербургскихъ газетахъ появилась въ одинъ и тотъ же день правительственное сообщеніе, опровергавшее толки нѣкоторыхъ нашихъ періодическихъ изданій о томъ, что германскіе дипломатическіе представители въ Болгаріи слишкомъ пошлоно взяли на себя защиту русскихъ подданныхъ, замѣшанныхъ въ попытку вооруженнаго протеста противъ софійскихъ самозванцевъ регентовъ. Общій толъ этого сообщенія ясно указываетъ, что правительство наше рѣзко не одобряетъ отмычки русской печати, не сочувственные Германіи.

Для дая передъ тѣмъ, въ пятницу, 6-го марта, изъ Петербурга отираивались въ Берлинъ нѣкоторые изъ членовъ царствующаго дома для присутствованія на торжественномъ празднованіи дня рожденія императора Вильгельма, которому минуетъ 90 лѣтъ отъ роду во вторникъ на нынѣшней недѣлѣ 10-го (22-го) марта. Мы уже говорили въ нашей прошедшей хроникѣ о необычайной многочисленности съѣзда царственныхъ особъ на этотъ семейный праздникъ Рогенполенертовъ. Примѣры достиженія дѣятельнаго возраста благополучно царствующимъ государемъ цивилизованныя страны такъ рѣдки, что одно это уже было бы достаточно, чтобы объяснить необычайное многолюдство нынѣшняго съѣзда; но не слѣдуетъ упускать сверхъ того изъ вида, что герою праздника 10-го (22-го) марта является государь, пользующійся всеобщимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, умѣвшій довести свою страну на степенъ международного величія, о которой четверть вѣка назадъ не слыхало еще германскіи народомъ. Нельзя однакоже не упомянуть, что берлинскому торжеству предшествовали довольно странные слухи негодованія изъ какихъ-то весьма загадочныхъ источниковъ. Сначала пушено было извѣстіе о намѣреніи императора Вильгельма отречься отъ престола въ самый день своего рожденія, потомъ англійскія газеты стали увѣрять, что въ этотъ день германскій императорскій принцъ будетъ назначенъ совратителемъ египетскаго отъда, и что вслѣдствіе такого назначенія берлинская политика приметъ оборотъ болѣе, чѣмъ нынѣ, благоприятный политическіи планамъ нынѣшняго британскаго правительства... Мы пишемъ накануне берлинскаго праздника 10-го (22-го) марта, но врядъ ли ошибемся, утверждая еще сегодня, что всѣ вышеупомянутые слухи совершенно лишены всякаго основанія.

День 10-го (22-го) марта наступаетъ при значительно ослабѣвшей напряженности взаимныхъ отношеній Германіи и Франціи. Съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ въ Берлинѣ знаменитый Лессепсъ, нѣсколько разъ видѣвшійся съ императоромъ Вильгельмомъ и съ княземъ Бисмаркомъ, все чаще и чаще стали раздаваться съ разныхъ сторонъ увѣрнія, что опасность франко-германской войны миновала. Нельзя однакоже не замѣтить, что въ оффиціальной берлинской печати стали за послѣдніе дни рѣзко упрекать Францію въ томъ, что она относится несочувственно къ сохраненію королевемъ Гумбертомъ въ власти министерства Депретеса-Робилана. При этомъ дѣлаются довольно недусмысленныя намеки, что въ Парижѣ желали замѣны этого министерства министерствомъ Криспи не потому, что оно сочувствовало бы болѣе Франціи, чѣмъ Германіи, но потому, что г. Криспи — республиканецъ, и что французъ будто бы желаетъ *нижеверженія Савойской династіи* и вообще является врагомъ *монархическаго начала въ Европѣ*. Такія обвиненія очень похожи на новую попытку изолировать Францію, лишивъ ее симпатій всѣхъ монархическихъ націй.

Что же касается до сохраненія власти министерствомъ Депретеса-Робилана, для чего пришлось прибѣгнуть къ приостановкѣ засѣданій итальянскаго парламента, то общій голосъ европейскихъ политическихъ кружковъ связываетъ рѣшеніе, принятое королевемъ Гумбертомъ, съ возобновленіемъ троитройнаго союза Италіи съ Германіею и Австро-Венгріею. Взглядъ этотъ какъ бы подтверждается недавнимъ пожалованіемъ *высшаго* прусскаго ордена Чернаго Ола итальянскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Робилану, и такъ какъ всѣмъ хорошо извѣстно, что германо-австро-итальянскій союзъ

Виды Закаспийской области. — Зюльфагарский проходъ.

Съ фотографіи бр. Кондратенко рисов. А. Шильдеръ.

направленъ *противъ* Франціи, то и нельзя слишкомъ удивляться, что возобновленіе такого союза не возбуждаетъ особеннаго удовольствія въ Парижѣ, совершенно независимо отъ вопроса о будущей формѣ правленія въ Италіи.

Во внутренней политикѣ Франціи на прошлой недѣлѣ не замѣчалось особаго оживленія. Послѣ того, какъ г. Фердинандъ Лессенсъ вернулся изъ Берлина, появились, правда, кое-какіе признаки интриги, направленной къ тому, чтобы заставить выйти въ отставку непріятнаго Германіи военнаго министра генерала Буланжя; но изъ этихъ попытокъ, кажется, ничего не вышло, потому

что въ настоящую минуту всѣ возникшіе было слухи снова смолкли.

Въ Австро-Венгріи умы значительно успокоились за послѣдніе семь дней. Вѣнская и пѣтская печать перестала грозиться вооруженнымъ сопротивленіемъ имперіи Габсбурговъ скромнымъ требованіямъ Россіи по болгарскому вопросу. Она начинаетъ даже заговаривать о совокупномъ дѣйствіи Вѣны и Петербурга въ рѣшеніи этого вопроса, хотя и не указываетъ ясно, на какой почвѣ можетъ установиться такая совокупность.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что происходившее въ Болгаріи вовсе не указываетъ на то, чтобы

въ Софіи имѣли поводъ ожидать чего-либо подобнаго. Тамъшніе псевдо-регенты дѣйствуютъ такъ, какъ-будто они увѣрены, что никакая опасность не грозитъ узурпированному ими положенію. Они продолжаютъ вести свою анти-русскую агитацію и медлятъ даже созывомъ тырновскаго собранія. Порты съ своей стороны не очень торопятся довести до конца переговоры, начатые съ ними комиссаромъ султана Риза-беемъ. Ходятъ даже слухи, что усилившееся за послѣдніе дни вліяніе англійскаго посла въ Константинополѣ можетъ привести турецкое правительство къ какому-то шагу, открыто благопріятному софійскимъ самозванцамъ.

Развалины мечети въ селеніи Анау, въ 14 в. къ вост. отъ Асхабада.

Виды Закаспийской области.

Съ фотографіи бр. Кондратенко рисов. Б. Томашевичъ.

Въ Англіи политическая жизнь находится въ небываломъ застоѣ для нынѣшняго періода парламентской сессіи. Палата общинъ дѣлаетъ и со всевозможными проводочками обсуждаетъ законопроектъ о реформѣ парламентскаго ділопроизводства. До сихъ поръ окончательно принята только первая статья этого проекта, а всѣ остальные правительственные биллы, возвышенныя тронною рѣчью, остаются совершенно безъ движенія. Министерство Салisbury, очевидно, чувствуетъ невоз-

Всемирная Иллюстрация

№ 949. Годъ XIX.]

21-го марта 1887 г.

[Томъ XXXVII. № 13.

ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Въ этомъ номерѣ 20 страницъ. ©

Русскіе художники. — Канунъ праздника. Сцена изъ монастырской жизни XVII вѣка.

Рисоваль Александръ Яновъ.

Поездка по Закаспийской области.

III.

Существенным неудобством для прибывающих в Асхабад служат отсутствие гостиницы, так что многие из пребывающих в этот пункт находят себя временный приют лишь благодаря радушному гостеприимству обитателей города. Спасибо и за то, что почти в каждой асхабадской лавке, даже с красным товаром, можно закупить и выпить, хотя, разумеется, за весьма дорогую плату и невкусно.

Вечером в день приезда князя город был иллюминирован: на базаре посреди улицы горели бочки с сѣном и играли два хора военной музыки; около одного из них помѣстились персы, по временам пускавшие ракеты, которые чаще всего летѣли не вверх, а на землю, производя переполох в гуляющей публике; одна из ракет влетѣла въ средину хора музыкантов и там лопнула, заставив прекратить на полонизѣ какой-то марш. Гулявших было много, особенно персiан; текинцев же собралось сравнительно небольшое число; ихъ больше всего поразило воздушный шаръ, за которым они слѣдили съ усиленным вниманiемъ. Среди гулявшихъ встрѣчалось не мало дамъ въ европейскомъ костюмѣ.

День 21-го апрѣля былъ преимущественно посвященъ главноначальствующимъ совѣщанiямъ съ начальникомъ Закаспийской области по дѣламъ управленiя и будущаго устройства новыхъ нашихъ подданныхъ на Мургабѣ.

На слѣдующій день утромъ произведенъ былъ смотръ войскамъ, расположеннымъ въ Асхабадѣ. Несмотря на тяжелыя условiя жизни и службы въ Закаспийскомъ краѣ, части войскъ представились въ отличномъ видѣ, и князь остался весьма доволенъ ихъ состоянiемъ.

Всѣмъ затѣмъ, въ 11 часовъ утра, передъ домомъ, занимаемымъ главноначальствующимъ, происходило торжественное принесенiе присяги на вѣрноподданство представителями туркменскаго племени сарыкы. Депутация эта уже двѣ недѣли ожидала въ Асхабадѣ прибытiя главноначальствующаго, чтобы узнать рѣшенiе на поданную иолатанскимъ сарыками просьбу о принятiи ихъ въ русское подданство. Племя сарыкы еще въ концѣ прошлаго столѣтiя занимало нынѣшнiй Мервскiй оазисъ, откуда было вскорѣ вытѣснено туркменами Теке, и хотя въ 30-хъ годахъ сарыки вернулись на свои прежнiя мѣста послѣ изгнанiя, но продолжали тамъ не долго и въ 1857 году были вновь вытѣснены отсюда текинцами. Съ того времени сарыки раздѣлились на двѣ части: одна изъ нихъ водворилась въ Иолатанѣ, на Мургабѣ же, рядомъ съ Мервскимъ оазисомъ, другая же часть заняла окрестности Пенджае, на границѣ Авангистана. Съ добровольнымъ подчиненiемъ мервскихъ текинцевъ Россiи иолатанские сарыки не замедлили конечно заявить о своемъ желанiи принять подданство государства, которое, принявъ заботу объ установленiи спокойствiя и порядка въ нѣкогда цвѣтущемъ Мервскомъ оазисѣ, могло обезпечить и имъ мирную жизнь и ограждать отъ столкновенiй съ прежними ихъ врагами-мервцами.

Во главѣ депутации иолатанскихъ сарыковъ, состоявшей изъ кетхудовъ (старшинъ), находился Сарыханъ, главный управитель племени. Передъ принесенiемъ присяги главноначальствующiй, выслушавъ отъ Сары-хана словесное изложенiе дѣли прибытiя депутации въ Асхабадъ, объявилъ представителямъ сарыковъ, что, какъ имъ извѣстно, у русскаго Бѣлаго пари (Акъ-Падишаха) такое несметное число подданныхъ и столько земли, что присоединенiе къ нимъ ничтожнаго клочка, на которомъ живутъ иолатанцы въ числѣ около 8-ми тысячъ кибинокъ, не можетъ имѣть для него никакого значенiя. Если же Государю угодно низойти на просьбу сарыковъ и принять ихъ въ свое подданство, то единственно изъ особой милости къ нимъ, чтобы избавить ихъ отъ неурядицъ и даровать спокойную жизнь, которую пользуются миллионы его подданныхъ. Поэтому они должны оцѣнить такую великую милость Акъ-Падишаха и показать себя достойными ея, пребывая навсегда вѣрными подданными и подчиняясь распоряженiямъ властей, которая будутъ установлены для ихъ же пользы. „Вѣра и обычай ваши“, прибавилъ князь, „останутся неприкосновенными; вы можете молиться, какъ молились, и судиться между собою по адату и шарiату, какъ судились до сихъ поръ; но всякій виновный въ измѣнѣ правительству, убiйствѣ, разбоѣ и въ непослушанiи властямъ будетъ безпощадно наказываться по русскимъ законамъ. Во вниманiе къ вашему неустроенному хозяйству вы на первое время избавляетесь отъ платы податей, но обязаны содержать на свой счетъ необходимое число джигитовъ для полицейской службы и исполнять всѣ работы по ирригационнымъ сооруженiямъ. Ближайшимъ вашимъ правителемъ оставляется впродъ до другаго распоряженiя Сары-ханъ, который будетъ въ необходимыхъ случаяхъ передавать вамъ приказанiя русскаго начальства“.

Почтительно выслушавъ наставленiя главноначальствующаго, ханъ и кетхуды выразили благодарность за оказанную имъ Государемъ милость и общими безпрекословно подчинились всѣмъ приказанiямъ. Вслѣдъ за тѣмъ депутация иолатанцевъ въ присутствiи князя и другихъ чиновъ была приведена мулою къ присягѣ на подданство русскому Императору. По окончанiи церемонiи всѣмъ членамъ депутации и ихъ прислугѣ были розданы отъ имени главноначальствующаго подарки.

Въ тотъ же день вечеромъ состоялся въ асхабадскомъ городскомъ саду обѣдъ съ участiемъ чиновъ мѣстнаго управленiя и войскъ, а также Сары-хана, которому ввидѣ подарка пожалована была большая серебряная ваза. Послѣ госта за здоровье Государя Императора и царской фамилии сожжены были весьма удачный фейерверкъ, привлекавшiй на себя особое вниманiе сарыкского хана, который, не дождавшись окончанiя обѣда, всталъ изъ-за стола, чтобы ближе любоваться интересовавшимъ его зрѣлищемъ.

Близъ города Асхабада находится селенiе того же названiя. Жители-текинцы размѣстились болѣею частью въ кибиткахъ, образующихъ дѣльную улицу. На прилагаемомъ рисункѣ можно видѣть, какъ тѣмъ и неприхотливо помѣщается текинская семья со всѣмъ своимъ хозяйствомъ.

(Продолженiе будетъ.)

16-го (28-го) марта 1887 г.

Въ области нашей внутренней политики главный интересъ продолжалъ сосредотачиваться и на прошлой недѣлѣ на событiяхъ, о которыхъ мы уже упоминали въ нашей предыдущей хроникѣ. Мы не считаемъ конечно ни умѣннымъ, ни возможнымъ распространяться здѣсь о тѣхъ городскихъ толкахъ, которые были вызваны правительственнымъ сообщенiемъ объ участiи арестъ злоумышленниковъ, имѣвшихъ при себѣ разрывныя снаряды, зараженные отравленнымъ пулями. Единственнымъ официальнымъ отголоскомъ этого событiя съ тѣхъ поръ, какъ были обнародованы извѣстiя о рѣши ректора с.-петербургскаго университета, былъ сдѣланное въ началѣ нынѣшней недѣли сообщенiе самаго текста всеподданнiйшаго адреса университета и высочайшей резолюцiи Государя Императора, въ которой выражалась надежда, что университетъ докажетъ на дѣлѣ, а не на бумагѣ только искренность выраженныхъ имъ чувствъ.

Не считаемъ мы также приличнымъ распространяться сегодня о томъ, какъ отнеслись нѣкоторые, весьма впрочемъ немногiе, русскiя газеты къ правительственному сообщенiю, опровергнутому категорическимъ образомъ всѣ слухи о недостаточной внимательности германской дипломатiи къ порученнымъ ей заботливости русскимъ интересамъ въ Болгарiи. Откровенно сознаемся, что для насъ совершенно непонятна странная аргументацiя этихъ газетъ, стремящихся создать какую-то вовсе не существующую действительность въ направленiи нашей иностранной политики, утверждавъ—будто-бы правительственное сообщенiе, ими обсуждаемое, не тожественно съ взглядами, которыхъ держатся въ сферѣ, полномъ власти руководящихъ судьбами нашего отечества. Немалосмысленно подобнаго раздвоенiю до такой степени очевидна въ странѣ, не знающей никакого двоедвствiя, что всѣ намеренiя на что-либо подобное можно объяснить только ослѣпленiемъ личнаго самолюбiя журналистовъ, воображавшихъ себя поставленными въ какое-то исключительное положенiе и надѣющихся, что русское общество проститъ имъ неприличныя выходки, за которыя вѣрное подверглось его заслуженному порицанiю всѣ остальные собратья этихъ не въ мѣру самонадѣянныхъ публицистовъ, забывавшихъ, что прискорбный примѣръ, имъ подаваемый, долженъ неизбежно вызвать къ западной Европѣ вовсе нежелательные для нашихъ интересовъ и для нашего политическаго обаянiя злонамеренные толки.

Все, только что сказанное нами, мы тѣмъ болѣе считаемъ себя въ правѣ говорить, что въ сущности вовсе не расхожись во взглядахъ на иностранную политику газетъ, о которыхъ идетъ наша рѣчь. Подобно имъ мы горячо желаемъ, чтобы въ предстоящихъ международныхъ событiяхъ Россiя сохранила полную свободу дѣйствiй, позволяющую ей не подчинять своихъ собственныхъ интересовъ интересамъ другихъ державъ. Разница состоитъ только въ томъ, что по нашему глубокому убѣжденiю, тѣмъ менѣе будетъ причинъ нимъ дерзавымъ упрекать насъ въ предвзятости къ нимъ недоброжелательствъ, тѣмъ спокойнѣе и свободнѣе можетъ развиваться осуществленiе программы вполнѣ самостоятельной русской политики. Отъ этого взгляда мы откажемся только тогда, когда намъ докажутъ неопровержимыми фактами пользу, которую могутъ принести осуществленiю предвзятыхъ нашимъ правительствомъ дѣлей тѣхъ выходки, какъ лишенные фактическаго основанiя упреки, сдѣланные нѣкоторыми русскими газетами германскому дипломатическому агенту въ Болгарiи.

Въ области политики иностранной самымъ выдающимся событiемъ прошлой недѣли было конечно берлинское торжественное празднованiе 90-й годовщины дня рожденiя императора Вильгельма. Мы были совершенно правы, отвергая заранѣе основательность всѣхъ слуховъ, по которымъ маситный государь Германiи намѣревался

будто-бы въ этотъ торжественный день или совершенно отречься отъ верховной власти, или раздѣлить эту власть съ наследникомъ германскаго престола. Ничего подобнаго не произошло, и Германiю послѣ 10-го (22-го) марта, какъ и до этого дня, продолжалъ всецѣло править великiй создатель единства имперiи Гогенцоллернъ. Отбѣвая на одно изъ прiятнѣйшихъ обращенiй къ нему въ день его рожденiя, императоръ Вильгельмъ выразилъ искреннее удовольствiе, внушаемое ему тѣмъ обстоятельствомъ, что новоизбранный германскiй парламентъ имѣетъ наконецъ болѣшинство, расположенное поддерживать правительство. Князь Бисмаркъ повидимому находить однакоже, что и въ новомъ парламентѣ оппозицiя не такъ слаба, чтобы можно было пренебрегать ея нападки. Уже на прошлой недѣлѣ берлинскiя газеты, вдохновляемыя канцлеромъ, возобновили горячую полемику съ партiей „католическаго центра“, стремясь доказать отсутствiе истинной солидарности между этою партiей и римскою курiей. Съ этою очевидно дѣлю „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ напечатала дипломатическую переписку, доказывающую, что борьба берлинскаго правительства съ католическимъ ультрамонтанствомъ началась вовсе не съ тѣхъ поръ, какъ ватиканскiй соборъ 1870 года провозгласилъ догматъ папской непогрѣшимости, а гораздо позднеѣ, когда сепаратисты и партiкуляристы партiи центра сумѣли сдѣлать своимъ усерднымъ помощникомъ покойнаго папу Пiя IX.

Эта любительная полемика, доказавшая до какой степени князь Бисмаркъ дорожитъ тѣмъ, чтобы вожаки партiи центра не могли провозгласить себя солидарными съ папскимъ престоломъ, составляетъ весьма характеристическiй симптомъ. Германскiй канцлеръ очевидно не довольствуется тѣмъ, что новый имперскiй парламентъ безпрекословно принялъ военный сенатенатъ. Онъ желаетъ добиться въ этомъ собранiи болѣинства, готового сдѣлать за нимъ всюду, куда ему вздумается повести народныхъ представителей Германiи, и для этого ему необходимо привлечь на свою сторону католиковъ парламента, не раздѣляющихъ политическiхъ взглядовъ г. Виндгорста и единомышленнхъ съ нимъ партiкуляристовъ.

Не менѣе повидимому занятъ князь Бисмаркъ и мысля о возобновленiи союза трехъ имперiй на почвѣ рѣшенiя болгарскаго вопроса въ смыслѣ, согласномъ съ видами Россiи. Объ этомъ возобновленiи особенно настойчиво стала говорить берлинская оффицiальная печать послѣ того, какъ выяснилось, что заключенiе тройственнаго союза между Германiей, Австро-Венгriей и Италией оставило совершенно равнодушными какъ Францiю, такъ и Россiю. Надежда, возбужденная побѣдой въ Берлинѣ г-на Лессена, теперь уже совершенно разсѣялась. Оказалось, что въ Парижѣ вѣзлѣтѣли политическiя сферы вовсе не расположены раздѣлять взгляды Лессена, громко объявлявшего въ послѣднее время, что Германiя—естественная союзница Францiи. Съ другой стороны ни въ русскихъ правительственныхъ сферахъ, ни въ русскомъ обществѣ не появилось ни малѣйшей склонности думать, что возобновленiй тройственнаго союза можетъ грозить намъ какою бы то ни было серьезною опасностью. Подготовленный эффектъ совершенно не удался, тѣмъ вѣрнѣе и объясняется вновь оживившаяся до лихорадочнаго напряженiя заботливости берлинскаго правительства о возобновленiи союза трехъ имперiй.

Та же заботливость начинать впрочемъ обнаруживать все сильнѣе и сильнѣе въ Вiнѣ, гдѣ публика очень охотно даетъ дѣла вѣру слухамъ о какомъ-то отдѣльномъ австро-русскомъ соглашенiи по болгарскому вопросу, тогда какъ всѣ толки о ландштурмѣ и военныхъ пригрозенiяхъ какъ-то совершенно смолкли.

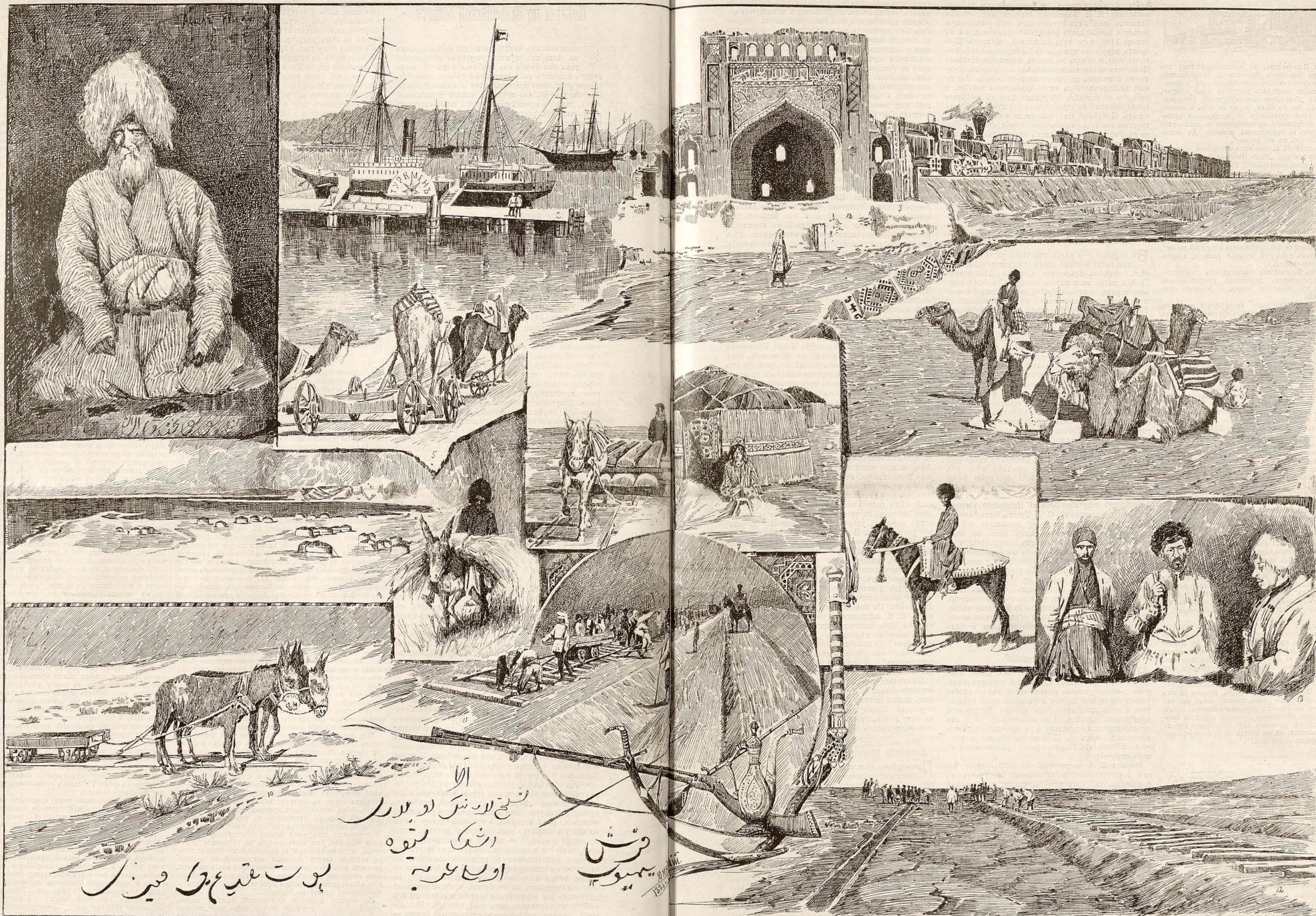
Во Францiи на прошлой недѣлѣ не произошло ничего особенно выдающагося въ политическомъ смыслѣ. Всѣ толки о перемѣнахъ въ составѣ министерства, объ отставкѣ генерала Буланжъ и пр. совершенно прекратились. Палата депутатовъ занята обсужденiемъ запретительныхъ пошловъ на хлѣбъ и на рогаый скотъ, а министерству Гобль представился случай показывать свою энергiю распусценiемъ марсельскаго муниципальнаго совета, высказавшаго свои симпатiи парижской коммуны 1870 года.

Въ Англiи парламентъ собирается присутствовать наконецъ къ обсужденiю внесеннаго министерствомъ билля о мѣрахъ строгости противъ врандскихъ націоналистовъ. Первая стычка между правительствомъ и оппозицiей кончилась не въ пользу послѣдней, но еще неизвѣстно, какъ побудитъ пренiя о самой сущности билля, и теперь уже видно, что правительственное болѣшинство весьма слабо по своей численности.

Въ Италию не перестаютъ ходить слухи о предстоящихъ измѣненiяхъ въ составѣ министерства. Послѣднiя извѣстiя говорили о возможности вступленiя въ кабинетъ г. Криспи въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, причѣмъ однакоже г. Депретисъ и графъ Робинавъ сохраняютъ свои мѣста. Насколько мыслима такая комбинацiя, дѣлающая товарищами сторонниками союзнической Францiи (г-на Криспи) и главнаго защитника союза съ Германiей (графа Робинава), — покажетъ, конечно, самое недалекое будущее.

Изъ Константинополя тоже приходили за послѣднiе дни слухи о предстоящей будто бы отставкѣ великаго влора Гиялiа-пашы, сдѣланнаго за отъявленнаго англофила, но слухи эти покажутся еще не подтвердившимися.

Изъ Соединенныхъ Штатовъ получено въ началѣ нынѣшней недѣли чрезвычайнаю отрадное извѣстiе о томъ, что ватингтонское правительство заключило съ Россiей договоръ о взаимной выдачѣ преступниковъ, по которому убiйцы и покушавшiеся на убiйство съ политическими цѣлями не считаются преступниками политическими и должны быть выдаваемы наравнѣ съ обыкновенными уголовными преступниками. Такимъ образомъ уменьшилось еще число странъ, гдѣ могутъ находить безопасное убѣжище враги благоустроенныхъ порядковъ современнаго общества, не задумывающiеся вести борьбу съ этими порядками самыми гнусными, самыми омерзительными средствами.

1) Теклинец. 2) Бухта въ Краснодарскі. 3) Развалы въ Анау. 4) Показъ съ железнодорожными рабочими. 5) Транспортные верблюды для перевозки рельсъ. 6) Транспортные верблюды для подачи шпалъ. 7) Турменская кибитка. 8) Верблюды туркменъ, жуащихъ нагрузки. 9) Побережный аулъ. 10) Ослы конножелезной дороги для подачи скрѣпленій и костылей. 11) Укладка рельсъ. 12) Укладка шпалъ. 13) Типы рабочихъ кавказцевъ.

Виды Закаспійской области. — Отъ Красноводска до Кизиль-Арвата.

Рисовалъ съ натуры Н. Юмудскій.

ніями, женскими въ особен-ности, что многія пьеса, сами по себѣ очень хорошія, не могутъ имѣть надлежащаго успѣха, и разочарованная публика, уходя изъ театра, уносить съ собою только скуку и утомленіе. Къ тому же послѣднее время французскіе спектакли стали затягиваться до перваго часа ночи. Главная пьеса начинается обыкновенно не раньше девяти, а одноактныя комедіи обставляются такъ плохо и неинтересно, что зрительный залъ пустуетъ на три четверти.

Не имѣла особеннаго успѣха и пьеса Теодора Барьера, названіе которой мы только что выписали. Бенефициантка играла маленькую роль кокетки, Леонтины Крошартъ, въ которую влюбленъ Арманъ Гулю (г. Андриэ), богатый повѣса и добрый малый. Конечно, она скрываетъ отъ него все, что можетъ ее компрометировать, дурочить и обманывать, съ напускнымъ безкорыстіемъ отказывается отъ подарковъ и вслѣдствіе этого получаетъ ихъ вдвое болѣе, короче — продѣлываетъ съ нимъ всѣ тѣ штуки, которыя обыкновенно продѣлываютъ женщины этой категоріи. Въ такомъ же положеніи находится и братъ его, Теофиль Гулю (г. Ланжале), да и сѣдовласый дядя ихъ (г. Итмансъ) не прочь вспомнить молодость и подъ шумокъ заняться амурами. Пьеса кончается тѣмъ, что племянники, перебѣсившись, рѣшаются жениться на очень милыхъ дѣвушкахъ, роли которыхъ такъ граціозно передали г-жи Инъ и Луазель. Въ этихъ трехъ небольшихъ актахъ много веселости и остроумія, а цѣлый рядъ комическихъ *qui pro quo* поддерживаетъ въ публикѣ не-

Генералъ-адъютантъ Самуиль Алексѣевичъ Грейгъ † 9-го марта

прерывный смѣхъ. Пальма первенства принадлежала, конечно, г. Итмансу и Андриэ; что же касается бенефициантки, то она играла свою роль такъ, какъ вѣроятно сыграла бы каждая красивая женщина, вовсе не будучи актрисой; тѣмъ не менѣе г-жа Даврэ вызвала въ некоторую иллюзію, была весела и нарядна, а это далеко не такая маловажная вещь. Изъ остальныхъ исполнителей слѣдуетъ упомянуть г. Стрица, г-жъ Анжелъ и Дарвилъ. Театръ былъ на половину пустъ.

А. К.—овъ.

С.-петербургская музыкальная артія. Бесплатная музыкальная школа, на которую публика въ продолженіи двадцати-пяти лѣтъ ея существованія обращала мало вниманія, отпраздновала концертомъ свой юбилей 12-го марта въ дворницкомъ собраніи. Программа концерта была составлена изъ произведеній Балакирева, Ломакина, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова, Кюи, Бородина, Берліоза и Листа. Въ концертѣ принималъ участіе хоръ бесплатной музыкальной школы, подкрѣпленный хоромъ Бермана и сторонними хористами. Объ участіи послѣднихъ, разумеется, въ афишѣ не упоминалось. Кромѣ хора, бесплатная школа не выставила въ концертѣ результатовъ своей двадцати-пятилѣтней педагогической дѣятельности, что весьма жаль, такъ какъ нельзя допустить, чтобы учрежденіе въ продолженіи четверти вѣка достигло столь малыхъ результатовъ. Мы въ правѣ ожидать плодовъ ея педагогической дѣятельности, такъ какъ въ уставѣ бесплатной музыкальной школы говорится объ обученіи свѣтскому и духовному и нѣтъ и теории музыки, а не

Виды Закаспійской области. — Сотня джигитовъ на походѣ.

Съ фотографіи бр. Кондратенко рисов. Н. Гречаниновъ.

Наши японскіе гости. — Князь Коматсу и его супруга.

Гравировано съ фотографій, снятыхъ въ Токио туземнымъ фотографомъ.

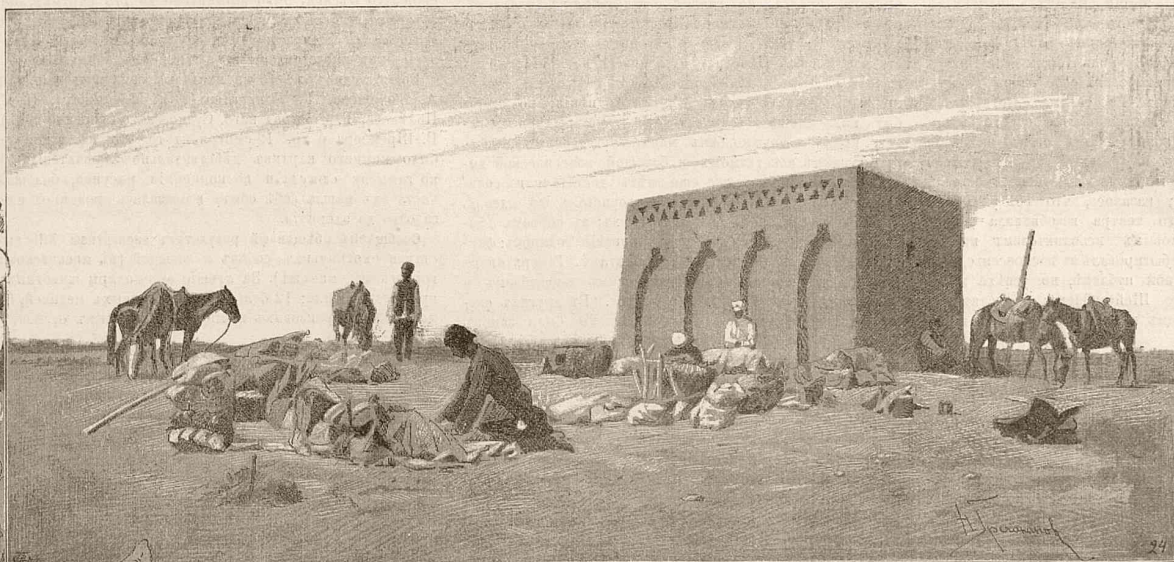
хоровому пѣнію и элементарной теоріи. Вообще, юбилей, свѣдѣнный къ празднованію только существованія школы, а не къ иллюстрированію итоговъ ея дѣятельности, по меньшей мѣрѣ страненъ. На юбилей чествовались дѣтели школы, гг. Балакиревъ, Римскій-Корсаковъ, Дютишъ, за ихъ труды по школѣ. Въ продолженіи двадцати-пяти лѣтъ школою дано 50

концертовъ вмѣстѣ съ юбилейнымъ, цифра скромная и оправдываемая только тѣмъ, что школа была лишена возможности дать больше вслѣдствіе постоянного равнодушія публики, крайне недоброжелательно относившейся къ программамъ, отличающимся нетерпимостью къ массѣ композиторовъ съ блестящими именами. Постоянная пропаганда Берліоза, Листа и очень немногихъ

другихъ западныхъ композиторовъ, да нѣсколькихъ русскихъ — вотъ все, что служило задачей этихъ концертовъ. Отпраздновавъ свой двадцати-пятилѣтній юбилей, школа наконецъ должна придти къ заключенію, что пора ей перемѣнить свое названіе. Во-первыхъ, она не безплатная, потому что со всѣхъ вновь поступающихъ учениковъ по уставу взимается 5 рублей одновременно, а

во-вторыхъ потому, что систематичныя и педагогическія занятія въ ней едва-ли производятся, судя по результатамъ. Это просто хоровое концертное общество, въ которомъ, смотря по надобности концертной программы, разучивается тотъ или другой хоръ, внѣ всякой связи съ педагогической системой. Изъ исполненныхъ въ концертѣ вещей болѣе выдѣлились „La reine Mab“, отрывокъ изъ драматической симфоніи „Ромео и Джульетта“ — Берліоза, второй концертъ Листа, въ превосходномъ исполненіи госпожи Менгеръ, и колоритные отрывки изъ неоконченной оперы „Князь Игорь“ — Бородина.

— Предпослѣднее собраніе камерной музыки отличалос

Станція для проѣзжающихъ между Тедженомъ и Мервомъ.

Виды Закаспійской области.

Съ фотографій бр. Кондратенко рисов. Н. Гречаниновъ.

Всемирная Иллюстрация

№ 950. Годъ XIX.

28-го марта 1887 г.

[Томъ XXXVII. № 14.]

ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Въ этомъ номерѣ 20 страницъ.

УЧИТЕЛЬ.

ПОВѢСТЬ

Максима Бѣлинскаго (І. Ясинскаго).

I.

Накрапывалъ дождь и барабанилъ по стекламъ большого загороднаго дома объ одномъ этажѣ съ мезониномъ, окруженнаго высокими каштановыми и орѣховыми деревьями и примыкавшаго къ гористому парку. На крытой террасѣ, обросшей вьющимися растеніями, за чайнымъ столомъ хлопотала прислуга.

Дама въ свѣтломъ халатѣ смотрѣла изъ окна своей спальни. По срединѣ двора, сливавшагося съ садомъ, былъ разбитъ цвѣтникъ, и если экипажъ въѣзжалъ въ ворота, онъ долженъ былъ проѣхать по узкой аллеѣ высокихъ тополей, обогнуть половину овала, краснаго, синяго и оранжеваго отъ георгинъ, астръ и настурцій, и затѣмъ остановиться у широкаго отлогого крыльца, гдѣ по обѣимъ сторонамъ симметрично блестяли зеркальные шары. Дама ждала мужа, который могъ пріѣхать съ утреннимъ поѣздомъ. Свистокъ машины уже прогудѣлъ вдали.

Дамѣ было лѣтъ двадцать-пять. У нея была красивая фигура, и она была высока ростомъ. Темные волосы ея были заплетены въ двѣ толстыя длинныя косы. Одна изъ нихъ лежала на груди, и она перебирала ее гибкими бѣлыми пальцами съ плоскими розовыми ноготками, вилетая укосникъ.

Звали ее Глафирой Львовной. По рожденію она была княжна, но родители ея были очень бѣдные люди, и отецъ дошелъ до того, что служилъ становымъ. По мужу она была мѣщанка, но пользовалась въ обществѣ уваженіемъ, потому что располагала значительными средствами. Мужъ ея, Григорій Павловичъ Кустовъ, занимался подрядами и, несмотря на то, что не имѣлъ никакихъ дипломовъ, былъ образованнымъ человекомъ.

Онъ женился на ней, когда ей было семнадцать лѣтъ, а ему сорокъ. Она знала, что онъ любитъ ее спокойною, прочною любовью, высоко цѣнитъ ея умъ, ея начитанность, а также ея волосы, ея лебединую шею, черные большіе глаза, граціозность движеній, благородную простоту наряда. Ей казалось, что и она его любитъ и тоже спокойною любовью. На его ласки она никогда не отвѣчала страстно. Она привязалась къ нему за восемь лѣтъ супружеской жизни, какъ къ брату, какъ къ отцу своего маленькаго сына, и даже сердце ея билось теперь отъ ожиданія, что вотъ сейчасъ пріѣдетъ Григорій Павловичъ.

Дождь все продолжалъ накрапывать, становился чаще и чаще, и деревья облекала прозрачная дымчатая пелена. Чѣмъ дальше отъ дома, тѣмъ гуще казалась эта пелена, и лѣсокъ на горизонтѣ, гдѣ виднѣлась станція желѣзной дороги, былъ такого-же сѣраго

Русскіе художники. — Вербы.

Рисоваль А. Афанасьевъ.

добавил онъ. „Чему я буду очень радъ“, обычно спокойнымъ тономъ проговорилъ Добсонъ. На другой день утромъ мистеръ Кастеръ, Лиззи и Добсонъ съѣхались на пароходѣ и, прибывъ во Флузэнъ, сѣли на сенъ-готардскую желѣзную дорогу. Вагоны были переполнены и Добсонъ не пришлось сидѣть вмѣстѣ съ Лиззи и ея отцомъ; онъ нашелъ себѣ мѣстечко въ самомъ концѣ вагона, спокойно усялся и сталъ перелистывать страницы дорожнаго путеводителя; иногда онъ брался за свою складную подзорную трубу и любовался далью. Поездъ прибылъ въ Гёшененъ, гдѣ начинается сенъ-готардскій тоннель; послѣ небольшой остановки, во время которой къ поезду прицѣпили другой локомотивъ на смѣну прежнему, зажгли вагонныя лампы, раздался пронзительный свистокъ, зазвенѣли электрическіе звонки и поездъ вступилъ въ грандіозный тоннель, прорытый въ горѣ, имѣющей до десяти тысячъ футовъ высоты и отдѣляющей Германію отъ Италіи. Настроение пассажировъ стало крайне напряженнымъ; температура въ вагонахъ повысилась, и яркій свѣтъ лампъ перешелъ въ красноватый. Переѣздъ тоннеля долженъ былъ продолжаться сорокъ минутъ. Прошла уже половина этого времени, и въ вагонѣ, гдѣ сидѣли мистеръ Кастеръ, Лиззи и Добсонъ, царило молчаніе. Вдругъ Добсонъ, сидѣвшій въ концѣ вагона, всталъ съ мѣста и, пройдя между рядами скамеекъ, подошелъ къ Лиззи. „Миссъ Кастеръ, въ данную минуту мы находимся на глубинѣ десяти тысячъ футовъ подъ землею. Я напоминаю вамъ о вашей клятвѣ. Предлагаю вамъ руку, сердце и состояніе и спрашиваю васъ теперь: согласны-ли вы быть моей женой?“ Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ спокойнѣе-хладнокровнымъ тономъ, настала томительная пауза; вагоны катились, шумъ колесъ глухо отдавался подъ сводами тоннеля, и рѣзко свистѣлъ локомотивъ. Добсонъ свой вопросъ сдѣлалъ на англійскомъ языкѣ; многіе изъ пассажировъ, очевидно, его поняли, встали съ своихъ мѣстъ и съ удивленіемъ глядѣли на вопрошавшаго и вопрошаемую. Всѣ, затѣивъ дыханіе, ожидали развязки этой необычайной сцены, которая окончилась скорѣе, чѣмъ можно было предположить: Лиззи поспѣшно поднялась съ мѣста, положила руку на плечо Добсона и тихо сказала ему: „тысячу разъ, десять тысячъ разъ согласна.“ Какъ разъ въ эту минуту раздался пронзительный свистокъ локомотива: въ окна вагона показался дневной свѣтъ, и пассажиры, забывъ о Добсонѣ и Лиззи, бросились къ окнамъ для того, чтобы увидѣть выходъ изъ тоннеля. Поездъ остановился. Мистеръ Кастеръ, Лиззи и Добсонъ вышли и направились къ сенъ-готардской гостинницѣ; Лиззи подъ руку съ Добсономъ поспѣшно шла впередъ, а за ними слѣдовалъ мистеръ Кастеръ, повидимому весьма интересовавшійся какими-то камешками. „И вы два года тѣлили свои мысли?“ съ восторгомъ спросила Лиззи. — Съ той минуты, когда вы заговорили о десяти тысячахъ футовъ, я всю мою надежду возложилъ на этотъ случай и терпѣливо ждалъ открытія сенъ-готардской желѣзной дороги. — „И вамъ ни разу не пришло въ голову усомниться въ томъ, что я сдержу свою клятву?“ продолжала Лиззи. — „Я знаю вашъ характеръ и вѣрилъ вашему слову, такъ какъ было твердо убѣжденъ въ томъ, что вы откажались мнѣ изъ гордости и по капризу за то, что я сдѣлалъ вамъ свое предложеніе, такъ сказать, ужъ слишкомъ безцеремонно. Это могло васъ обидѣть, такъ подумалъ я. Но такъ какъ я зналъ и чувствовалъ, что вы меня любите, то мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы вы не простили меня когда-либо. Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ вы отказывали всѣмъ тѣмъ, кто являлся къ вамъ съ предложеніемъ, и это обстоятельство еще болѣе укрѣпило меня въ моей увѣренности. Впрочемъ не будемъ болѣе говорить объ этомъ, моя дорогая, а лучшее поблагодаримъ сенъ-готардскій тоннель, которому я обязанъ тѣмъ, что могу назвать васъ своею.“ — Въ это время подошелъ мистеръ Кастеръ, который, считая свою роль оконченною, поцѣловалъ свою дочь и дружески обнявъ будущаго зятя. Вскорѣ всѣ трое сидѣли надъ верандой гостинницы, и счастливый отецъ весело провозгласилъ тостъ за счастье

своихъ дѣтей. „А знаете-ли, Добсонъ“, приговорно-серьезнымъ тономъ сказала Лиззи, „вы меня, такъ сказать, немного обманули: на сколько я помню, мѣстечко Гёшененъ и самый тоннель лежатъ на высотѣ трехъ тысячъ футовъ надъ поверхностью моря, и вы можете объ этомъ справиться по любому дорожному путеводителю. Въ такомъ случаѣ эти три тысячи футовъ остались за вами, и я, при надобности, могу сослаться на нихъ, какъ на предлогъ къ разводу“. — Вы ошибаетесь, со смѣхомъ возразилъ Добсонъ, я очень хорошо знаю объ этомъ обстоятельстве, но, какъ членъ коммерческой, долженъ же быть что-нибудь нажить. А теперь дѣло кончено, и мы съ вами квиты.

Вскорѣ состоялась въ Римѣ свадьба Лиззи и Добсона, и когда практичный американецъ вмѣстѣ съ молодою женою вернулся въ Нью-Йоркъ, то сплетникамъ и сплетницамъ американской столицы не пришлось болѣе передавать другъ другу всякія небывлицы о миссъ Кастеръ и предметѣ ея несчастной любви.

— К О Н Е Ц Ъ . —

Поѣздка по Закаспійской области.

III.

Изъ Асхабада въ Мервъ идетъ болѣею частью по песчанымъ и безводнымъ пространствамъ, гдѣ до 1885 года дороги были годны лишь для вьючнаго пути, и потому натурально намъ приходилось совершить походъ въ Мервъ верхами, а вещи перевозить вьючно на катеряхъ и верблюдахъ.

23 го апрѣля, въ день, назначенный для выступленія въ Мервъ, предъ домомъ, занятымъ княземъ главноначальствующимъ, съ ранняго утра начались оживленные приготовления къ походу, причемъ натурально болѣе другихъ суетились погонщики катеровъ и верблюдовъ, озабоченные желаніемъ навьючить полегче и удобнѣе своихъ животныхъ. Тутъ же въ сторонѣ были уже въ сборѣ вьюки готовые къ походу и сарыкскіе ханы, накануне присягнушіе на вѣрнооуданство Россіи; они изъявили желаніе сопровождать князя до Мерва.

Когда было почти все готово къ походу, на Офцерскую улицу прибылъ съ музыкой кавказскій конный полкъ кубанскаго казачьяго войска и выстроился поостенно. Полкъ этотъ шелъ въ Мервъ на смѣну стоявшимъ тамъ двухъ сотенъ таманскаго полка. Въ 9 часовъ князь сѣлъ на коня, поздравилъ казаковъ съ походомъ, простился съ собравшимися проводить его лицами, и мы тронулись въ путь, имѣя во главѣ сарыкскую депутацію, сорокъ фераджіемъ ахаль-текинской милиціи и нѣсколько казаковъ, сопровождавшихъ значокъ главноначальствующаго. Шествіе наше замыкалъ кавказскій полкъ и походный обозъ.

На первое время нашего пути изрытая канавами мѣстность близъ Асхабада заставила вытнуть нашъ отрядъ въ длинную линію, но затѣмъ верстъ черезъ пять канавъ не стало, и потому весь нашъ отрядъ въ томъ числѣ и полкъ пошелъ развернутымъ фронтомъ. Дорога шла по отлогимъ сѣвернымъ склонамъ Копетъ-Дагскаго хребта, сливающимся здѣсь съ безграничными закаспійскими степями. Направо отъ насъ тянулася параллельно нашему пути высокая, скалистая и безлѣсная съ остатками сѣвѣа краяхъ горъ, круто обрывающійся къ сѣверу, а навѣло сопутствовала безграничная, словно море, равнина, недалеко сливавшаяся съ мглистымъ горизонтомъ. Короткая весна степей средней Азіи было въ полномъ расцвѣтѣ: отлогіе волнистые склоны горъ и часть степи, насколько могъ окинуть глазъ, представлялись какъ-бы грандіознымъ роскошнымъ ковромъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и рисунковъ; вотъ, начиная отъ нашихъ ногъ, версты на двѣ, на три идетъ причудливой формы ярко-красная полоса, поросшая только макомъ; за этой полосой идетъ другая — розовая; потомъ опять красная; затѣмъ — зеленая, желтая и такъ далѣе, разнообразно чередуясь, и все это — свежее, яркое, благодаря перепадавшимъ дождямъ. Глядя на этотъ очаровательный природный коверъ, невольно приходишь къ предположенію, что не онъ-ли послужилъ образцомъ распредѣленія и разнообразія тѣ причудливой формы яркія цвѣта на коврахъ, которые такъ дорого цѣнятся у любителей произведений востока. Несмотря на раннюю пору (было около десяти часовъ), южное солнце уже очень грѣло и общало осуществить тѣ страхи, какіе предвѣщали

намъ старожилы степей; но по счастью часамъ къ одиннадцати стали набѣгать облака, зашпикивавшіе насъ отъ непосредственныхъ палящихъ лучей солнца.

На 12-й верстѣ отъ Асхабада, переѣхавъ чрезъ небольшіе сыпучіе пески, мы увидѣли обширную мечеть, вокругъ которой разбѣлалось сел. Аннау, населенное текинцами рода аіеіа въ числѣ 260 кибитокъ. Еще нѣсколько времени, и мы уже подъѣхали къ селенію, при вѣздѣ въ которое старшины и выборные приветствовали князя и преподнесли хлѣбъ. Предъ собравшейся толпой какой-то текинецъ громко выкрикивалъ о томъ, что къ нимъ пріѣхалъ въ гости русскій ярымъ-падишахъ и привезъ счастье населенію.

При вѣздѣ въ селеніе стояли рядами выборные и старшины, а вдали на всѣхъ возвышеніяхъ и глиняныхъ постройкахъ, толпилося остальное населеніе Аннау. По обычаю востока князю послѣ пріѣзда старшины поднесли хлѣбъ и сладости. Поблагодаривъ за радушный пріемъ, князь посоветовалъ населенію забыть объ аламанахъ (разбойничьихъ набѣгахъ), заняться земледѣліемъ и ремеслами и быть добрымъ подданными Россіи, которая съ своей стороны сдѣлаетъ все, чтобы обезпечить имъ мирное существованіе.

По окончаніи встрѣчи мы направились къ мечети среди толпившагося населенія, видимо живо заинтересованнаго всѣмъ происходившимъ передъ нимъ. Музыка казачьяго полка производила наибольшее впечатлѣніе. Такъ какъ въ Аннау назначена была дневка, то князь и его свита для отдыха направились въ полуразвалины мечети, гдѣ и расположились въ тѣни единственнаго удѣльнаго свода. Въ подвѣшной походной закускѣ первое мѣсто по вниманію нашему занялъ чай, этотъ вѣчный и необходимый спутникъ всякаго дѣлающаго болѣе переѣзды въ знойныхъ степяхъ Азіи. Отдохнувъ, мы стали знакомиться съ остатками аннауской мечети. Она сложена изъ жженого кирпича; передняя стѣна изображаетъ щитъ, родъ грандіозныхъ разбѣговъ воротъ, облицованныхъ голубыми изразцами весьма тонкой работы, видѣ различнѣйшихъ рисунковъ и надписей о томъ, что мечеть возведена въ правленіе Абдуль-Касумъ-Бабиръ-Багадуръ-хана въ 873 г. по гижрѣ. Среди высокой ограды мечети орожено изъ кирпича небольшое пространство, гдѣ, какъ говорятъ, находится могила (Пиръ) племянника имама Ризы, Сейдъ-Эддина, весьма чтимаго жителями текинскаго оазиса. На могилѣ святого поставлено множество охранныхъ, домики каждый изъ четырехъ кирпичей, изъ которыхъ три, поставленные стоймя, составляютъ стѣны домика, а 4-й кирпичъ — крышу его *). Стѣны и куполъ мечети дали во многихъ мѣстахъ сквозныя трещины. Высота мечети достигаетъ до 7-ми сажень. Вокругъ мечети остались еще довольно хорошо сохранившіеся постройки медресе (школы) и помѣщенія для духовенства.

Въ теченіи нашего отдыха внѣ ограды были слышны какія-то выкрикиванія. Оказалось, что одинъ изъ муджвері (мужа, состоящій при могилѣ имама Ризы) объяснялъ толпившимся текинцамъ цѣль и значеніе поѣздки князя въ ихъ страну. Онъ приглашалъ молиться за русскаго царя, даровавшаго имъ возможность отдохнуть отъ тревогъ и укрѣпиться наконецъ надолго на одномъ мѣстѣ, т. е. достигнуть благополучія, о которомъ они безъ него могли-бы только мечтать. Въ результатѣ муджвері, по словамъ переводчика, очень толково перефразировалъ рѣчь князя, сказанную имъ старшинамъ при вѣздѣ въ Аннау.

Въ два часа тронулись въ дальнѣйшій путь вновь по ровной мѣстности, поросшей зеленою и массою краснаго мака и др. цвѣтовъ. Все это, какъ и раньше, блещетъ свѣжестью. Облачное небо продолжало намъ благодаритъ, и въ концѣ концовъ нашъ первый переходъ отъ Асхабада можно назвать только пріятною прогулкою.

Не доѣзжая Гиурса, аула въ 36 кибитокъ, и крайняго населеннаго пункта на границѣ Ахаль-Текинскаго округа и Атека, насъ встрѣтили два мальчика, вѣхавшіе на одной лошади. Увидѣвъ уже близко князя, одинъ изъ мальчиковъ быстро соскочилъ съ коня, получилъ отъ сидѣвшаго чурекъ (хлѣбъ туземнаго печенія) съ солью и быстро поднесъ его князю. Исполнивъ это, онъ также быстро вскарабкался на лошадь къ своему товарищу, и оба поспекали къ группѣ ожидавшихъ пріѣзда главноначальствующаго текинцевъ. Принявъ хлѣбъ-солъ и поздравившихъ съ жителями, князь приказалъ тронуть „стой“, и мы остановились на ночлегъ. Туркмены приносили сѣно въ связкахъ, ячмень, хлѣбъ, яйца, молоко и такимъ образомъ устроили маленький базаръ, продолжавшійся до ночи.

Вокругъ селенія Гиурсъ вездѣ, гдѣ были воздѣланные поля, возвышались маленькія глиняныя башенки, построенныя въ прежнее время для караула и отраженія нападѣній на жителей, занятыхъ полевыми работами. Такихъ карауловъ разсѣяно множество по всей Туркменіи, гдѣ только существуетъ хлѣбопашество; теперь эти башенки, утратившія свое

*) Близъ могилы неложена большая груда костей, очевидно головъ съ рогами разныхъ дикихъ животныхъ, приносимыхъ сюда въ жертву по обряду.

Виды Закаспійской области. — Караванъ на отдыхѣ между Мервомъ и Пенде.

Съ фотографіи бр. Кондратенко рисоваль А. Каменскій

назначение, разрушаются от времени, что наглядно свидетельствует о действительном умиротворении края.

24-го апреля мы вступили на территорию Атека, которая начинается у Баба-Дурмаза, отстоящего в сорока верстах от Гяурса. Атек представляет такую же равнинную полосу, как и Ахаль, отдаленную от Хорасана Копет-Дарским хребтом. Население состоит из туркмен разных племен и небольшой части персиз.

Переход от Гяурса до аула Артык, лежащего на Дурунгарской речке, был самым большим за все время нашего путешествия в Мерв, так как расстояние между названными пунктами считается около 55-ти верст. В жаркое время переход этот должен быть довольно тяжелым по отсутствию на всем этом пространстве годной воды; хотя у Баба-Дурмаза и протекает маленькая речка, но вода в ней не годится для питья людей; пили ее только лошади да и то не все. Облачный день и на этот раз облегчил наше движение, и мы близ Артыка расположились на ночлег. Так как было уже довольно поздно, то не дожидаясь наших вьюков, и устроенные в хорошей погодѣ все мы, кроме князя, легли спать под открытым небом; но в полночь начался дождь и выможил нас самым основательным образом.

26-го апреля послѣ обычной суточной ссоры отряд наш продолжал путь мимо артыкских полей, засеянных хлѣбом, из-за которых шел спор между туркменами, которым принадлежат эти земли, и персиянами, самовольно их засеявшими. Верстах в четырех от Артыка виднѣлись сады персидского мѣстечка Лютфабада в 700 дворов, за версту от которого главоначальствующий был встрѣчен прибывшим для привѣтствования князя из Махомед-Абада ханом Деревеаским, Мамед-Али-ханом; он был одѣтъ в халат обыкновенного азиатскаго покрова, поверх которого имѣл персидскую ленту; в свитѣ хана находилось нѣсколько десятковъ чловѣкъ его милиции и почетныхъ лицъ.

Путь по дорогѣ къ Лютфабаду пролегал между глиняныхъ заборовъ, садовъ и оросительныхъ канавъ. Выпавший ночью дождь и образовавшаяся оттого в нѣкоторыхъ мѣстахъ тонкая грязь нѣсколько замедляла наше движение по узкимъ улицамъ мѣстечка. На небольшой площади, у воротъ Лютфабадской крепости, собралась толпа жителей, которые привѣтствовали князя и поднесли ему, по восточному обычаю, разные сладости, за что отданы были деньгами. В числѣ поднесенныхъ предметовъ были: сахаръ, мучнистыя конфеты, сушеные фрукты, прохладительныя напитки и проч.; многие подносили рожки, навязанные на длинныхъ палочкахъ, и вообще все население выказало вполне радушный приемъ. На высокихъ стѣнахъ крепости стояли массами дѣти и женщины, на которыхъ производила видное впечатлѣніе играющая казачья музыка. В слѣдующемъ персидскомъ селеніи Шилъяни в 70-ю дворами и крепостью на высокой глинѣ встрѣча была не менѣе радушна.

Жители названныхъ двухъ селеній занимаются земледѣіемъ и садоводствомъ, а лютфабадцы также и торговлею. Персіане отличныя садоводы, и населенные ими пункты можно издали различить отъ туркменскихъ поселеній по роскошной зелени, окаймляющей персидскія мѣстечки.

Дорога отъ Лютфабада къ сел. Кахкѣ проходитъ между обработанными полями, принадлежащими жителямъ нѣсколькихъ селеній, разбросанных на равнинѣ и у подошвы горъ. Вся эта мѣстность представляетъ пріятную для глаза картину трудовой жизни, которая несомнѣнно можетъ получить еще большее развитіе съ установленіемъ правильнаго распределения водъ между населеніемъ Деревеаса, откуда берутъ начало горныя рѣчки, и туркменами Атека.

Къ 6-ти часамъ вечера отрядъ нашъ прибылъ въ большое селеніе Камка, возникшее весьма недавно, именно послѣ хивинскаго похода 1873 года, когда часть туркменъ Алиѣ переселилась сюда изъ хивинскихъ предѣловъ. В настоящее время Кахка имѣетъ слишкомъ четыре тысячи жителей, обитающихъ въ глиняныхъ сакяхъ. Населеніе занимается преимущественно хлѣбопашествомъ, частью же и скотоводствомъ, и повидимому пользуется обезпеченнымъ достаткомъ.

Въ Кахкѣ, гдѣ 26-го апреля мы имѣли дневку, находились члены нашей комиссіи по разграниченію между Закаспійской областью и Персіею, прибывшие сюда изъ Хев-Абада на встрѣчу главоначальствующему. Комиссія эта до сихъ поръ еще не могла приступить къ работамъ по своему прямому назначенію, такъ какъ на нее же возложено особое порученіе распределить совмѣстно съ персидскимъ комиссаромъ пользование землями и водою между жителями Атека и сосѣднимъ населеніемъ Хорасана. Нельзя не выразить желанія, чтобы это столь важное дѣло было какъ можно скорѣе приведено къ окончанію во избѣжаніе взаимныхъ споровъ между заинтересованными сторонами. (Нынѣ комиссія эта окончила занятія.)

Дневка въ Кахкѣ была для насъ пріятнымъ отдыхомъ послѣ первыхъ трехъ дней марша; необходимо было также дать нѣсколько отдохнуть лошадямъ и вьючнымъ животнымъ въ виду предстоящаго движенія по безводной стѣнѣ къ р. Теджену. Пребываніемъ въ Кахкѣ, гдѣ намъ оказано было любезное гостепримство комиссаромъ нашимъ по разграниченію, полковникомъ Кузьминымъ-Караевымъ, главоначальствующій воспользовался, чтобы заняться нѣкоторыми дѣлами по нашимъ пограничнымъ отношеніямъ, а также касающимися Мерва, откуда начальникомъ области почти ежедневно получались извѣстія посредствомъ джигитовъ.

Сел. Кахка, населенное 2.000 семействъ текинцевъ тоже рода Алиѣ, основано всего только лѣтъ 5 тому назадъ. Видъ этого, какъ и всякаго текинскаго селенія, очень унылый. Если посмотрѣть на него по птичьему полету, то оно представляетъ нѣкоторымъ подобіемъ пчелиной соты, изъ которой вытекъ медъ: масса высокихъ тонкихъ глиняныхъ стѣнъ, отдѣляющихъ дворъ отъ двора, среди большой высокой стѣны, окружающей все селеніе. Въ каждомъ дворѣ небольшой глиняная постройка съ плоской крышей изъ камыша, замаскированная тоже глиной, и по двѣ, по три кибитки или юмоекы (глиняной кибитки). Глина, глина и глина, среди которой суетятся такіе же сѣрые оборванцы текинцы и ихъ жены съ домашними, вотъ общій видъ селенія. Ни гдѣ нѣтъ ни деревца. При ближайшемъ знакомствѣ селеніе съ его обитателями производило еще болѣе отталкивающее впечатлѣніе. Въ виду вѣчныхъ перекочевокъ хозяйство текинца ограничивается самымъ необходимымъ, приравненнымъ къ вьюку. Все это блѣдно и грязно до послѣдней возможности. Если же взять въ расчетъ довольно большое количество скота Кахка, то отнеси его насеніе къ бѣдному было-бы несправедливо. У южной стѣны селенія временно помѣстилась телеграфная станція въ кибиткахъ.

Изъ Кахки мы выступили 27-го апрѣля утромъ при пасмурной погодѣ и небольшомъ дождѣ, который шелъ и въ предшествовавшую ночь. Обстоятельство это не только облегчило нашъ путь, но и дало возможность на слѣдующемъ ночлегѣ напоить лошадей изъ образовавшихся отъ дождя лужицъ. Сарыкский ханъ, какъ и вообще всѣ текинцы, удивлялись такой благоприятной нашему отряду погодѣ, а одинъ изъ нихъ даже выразился въ восточномъ стилѣ, что „самъ Богъ, сочувствующій русскому движенію въ Мервѣ, несетъ шатеръ надъ Ярымъ-Падинахомъ“ (т. е. получаръ, какъ называли туземцы главоначальствующаго) и его отрядомъ. На пути отъ Кахки къ Теджену, на ночлегѣ, встрѣтилъ князя начальникъ Тедженскаго округа, майоръ Махтумъ-Кули-ханъ, старшій сынъ известнаго хана Ахальскаго, а потомъ Мервскаго, Нурверди-хана; онъ прибылъ съ цѣлымъ караваномъ водъ, въ которой, благодаря дождю, не оказалось крайней надобности. Махтумъ-Кули-ханъ, удалившійся было, послѣ Гектеинскаго погрома въ Мервѣ, возвратился въ Ахаль въ 1882 году, а въ слѣдующемъ ѣздилъ въ Москву въ числѣ депутатовъ отъ населенія Закаспійской области для присутствования при торжествѣ священнаго коронованія, гдѣ ему и было пожалованъ чинъ майора. При устройствѣ Тедженскаго округа Махтумъ-Кули-ханъ былъ назначенъ его начальникомъ. Онъ носитъ теперь общую милиционную форму, освоилъ многими европейскими обычаями и держитъ себя съ большимъ умѣньемъ и достоинствомъ; по всему видно, что это вполне сложившійся характеръ, который знаетъ чего хочетъ и что дѣлать. Такимъ людямъ можно вѣрить, если они даютъ слово.

Путь нашъ на слѣдующій день, 28-го апрѣля, пролегалъ сперва по пустыннымъ пескамъ, поросшимъ мелкими саксаульными кустами, но, пройдя верстѣ 12, мы стали встрѣчать уже слѣды нѣкогда бывшей здѣсь жизни: попадались развалины полевыхъ караулокъ, остатки калъ, заброшенные арыки, старыя пашни. Къ вечеру, послѣ почти сорокаверснаго перехода, мы приблизились къ Теджену, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ измѣнилъ свое прежнее русло и принялъ другое направленіе. Подѣхавъ къ рѣкѣ, мы очутились передъ большимъ разливомъ воды, образовавшимся отъ сооруженія громадной плотины изъ нашинъ и хвороста для распределения воды по широкимъ арыкамъ на пашни лѣваго берега Теджена. Черезъ разливъ мы прошли по мосту-плотинѣ, длиною почти въ двѣ версты; подъ этою плотиною протекаетъ вода изъ рѣки въ магистральные каналы. До 600 рабочихъ, сдѣлавшихъ за этою плотиною, встрѣтили князя, стоя врядь, съ лопатами въ рукахъ, и на обращенное къ нимъ привѣтствіе отвѣчали обычнымъ „саоалъ“. Во главѣ рабочихъ находился уже пожилой круглолицый и широкобедный текинецъ высокаго роста, Панушъ-Пехлеванъ, бывшій, такъ-сказать, главнымъ строителемъ возведенной прошлой зимою громадной Кары-бендской плотины; благодаря его разумной и энергической дѣятельности, въ настоящее время уже живетъ на Тедженѣ около 7 тыс. чловѣкъ, изъ которыхъ почти половина осѣло. За оказанныя въ этомъ дѣлѣ заслуги Панушъ-Пехлеванъ награжденъ былъ тутъ-же главоначальствующимъ малою золотою медалью.

Тедженскій оазисъ славится удивительнымъ плодородіемъ, которымъ суждено воспользоваться только теперь, по умиротвореніи стѣны. Еще три года тому назадъ сюда приходило на время не болѣе тысячи бездомныхъ людей; судя-же по той прогрессіи, съ какою возрастаетъ населеніе Теджена, можно разсчитывать, что чрезъ годъ-другой здѣсь найдутъ себѣ занятія и обезпеченное существованіе тысячъ до 15—20 чловѣкъ, въ особенности при обводненіи пространства на правомъ берегу рѣки.

Мѣсто у Кары-бенда, служащее теперь резиденціею тедженскаго окружнаго начальника, было впервые занято нашимъ военнымъ отрядомъ, посланнымъ туда въ концѣ прошлаго года и отъ котораго сохранились еще до сихъ поръ шалаши и крытыя землянки. Пунктъ этотъ въ настоящее время представляетъ нѣчто въ родѣ небольшой улицы, по сторонамъ которой поставлены кибитки окружнаго начальника, состоящихъ при немъ джигитовъ и для проѣжающихъ.

(Продолженіе будетъ.)

»Мировичъ«. Романъ Г. Данилевскаго.

Романъ „Мировичъ“, сперва названный по имени главнаго героя принца Іоанна Антоновича „Царственный узникъ“, написанъ въ 1875 г. Черезъ четыре года онъ появился въ „Вѣстникѣ Европы“, а затѣмъ въ отдѣльномъ изданіи. Авторъ романа, извѣстный писатель, воспользовался, какъ фавбулой, извѣстной въ исторіи поимкой поручика Мировича освободить заточеннаго принца Іоанна Антоновича, возвести его на русскій престолъ, а императрицу Екатерину и Павла удалить изъ Петербурга. Дерзкая попытка Мировича чуть было не удалась; а не удалась она потому, что принца, согласно сдѣланнымъ заблаговременно распоряженіямъ, убили въ моментъ освобожденія его Мировичемъ. Мятеннаго поручика арестовали и по повелѣнію императрицы казнили на Ситномъ рынкѣ, въ Петербургѣ.

Романъ Г. Данилевскаго интересенъ главнымъ образомъ не фавбулой, но живымъ подробнымъ изображеніемъ вѣстной эпохи (вторая половина XVIII в.). Императрица Елизавета Петровна скончалась 25-го декабря 1761 года въ самый разгаръ войны Россіи съ Пруссіей; говорится въ началѣ романа. „Войска Фридриха были уже не тѣ: лучше его офицеры были убиты или взяты въ плѣнъ“.

„Пруссія была окончательно покорена; но племянникъ Елизаветы Петровны, императоръ Петръ III, въ самый день смерти тетки вошелъ съ обоимъ племянниками Фридрихомъ въ переговоры о перемиріи“.

Панинъ, принявшій отъ Суворова войска и управленіе прусскими королевскими, послалъ въ Петербургъ курьера, поручика Мировича, съ бумагами, въ которыхъ дѣлалось предложеніе продолжать войну. Этотъ Мировичъ оказывается чловѣкомъ смѣлымъ, отчаяннымъ игрокомъ, кутиломъ и развратникомъ. Авторъ описываетъ его приключенія въ Петербургѣ и мастерски рисуетъ картину города въ то время.

„Невская першкетива въ полдень покрывалась гуляющими. Шли статскіе щеголи въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ, лосняхъ панталонахъ и ботфортахъ выше колѣнъ, либо въ розовыхъ и желтыхъ шелковыхъ фракахъ съ огромными лорнетами, а когда было холодно — съ кунными и собольими муфтами. Щеголихи, съ затянутыми вѣдѣльями ося таліями, несли на головахъ хитро устроенныя прически на манеръ рыцарскихъ замковъ, цвѣтотныхъ карнавъ, китайскихъ бесѣдокъ и кораблей. Но и на этой первостатейной улицѣ не обходилось безъ непріятностей. У кофейной Мура или у магазина госпожи Токѣ, не обращая вниманія на разряженныхъ въ пухъ и прахъ прохожихъ, лежалъ, растянувшись по тротуару, избитый въ кровь и съ разорванными портами мертвецки пьяный матросъ. Верховой конногвардейскій съ громкой бравною и съ обезображеннымъ отъ злобы лицомъ у чьего-то дома стегалъ хлостомъ чужаго напудренного и важнаго кучера за то, что тотъ не свернулъ раззолоченной съ кожаными заплатами кареты и тѣмъ помѣшалъ ему проскакать въ догонку за какою-то умчавшейся красавицею“.

„Частная зданія на Невскомъ со стороны адмиралтейства тогда начинались лишь отъ Полицейскаго моста. Отсюда вплоть до Анчикова по правой и лѣвой сторонамъ проспекта было не многимъ болѣе десятка домовъ да и то на половину деревянныхъ. Домовладѣльцы на главныхъ улицахъ были болѣею частью иностранцы или инородцы. У Развѣздной площади временнаго зимняго дворца, выходившаго на Мойку, на Невскій и Луговую, нынѣ Морскую, былъ домъ купца Дюбиссона съ надписью на вѣнцѣхъ: „Продажа гамбургскихъ канареекъ и попуаевъ“. Въ Кириничномъ переулкѣ, наискось противъ нынѣшняго ресторана Доссо, былъ домъ банкира Кнутсена. На углу Гороховой и Луговой — домъ красавицы Краузе; у Синяго моста — вѣнцѣса шорника Матвѣя Зайкова. Немного далѣе по Мойкѣ — цвѣточный магазинъ Волфа съ надписью: „Парадная ананасная планта“. Придворные сады — Лѣтній, Итальянскій дворца, на Лѣтней, въ Екатерингофѣ и на цвѣточныхъ променадахъ Царицына луга — были открыты для публики. Но въ нихъ не пускали матросовъ, ливрейныхъ лакеевъ, женщинъ съ платками на головахъ, мужчинъ въ сапогахъ, а не въ башмакахъ, и вообще, какъ тогда говорили въ газетахъ и публикаціяхъ полиціи — „подлаго народа“.

Между прочимъ, шатаясь по Петербургу, Мировичъ

Всемирная Иллюстрація

№ 953. Годъ XIX.]

18-го апрѣля 1887 г.

[Томъ XXXVII. № 17.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ.

Главная контора редакціи журнала «Всемирная Иллюстрація» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, получающихъ этотъ журналъ съ *развѣрочкою платы* подписной цѣны, поспѣшить высылкою причитающихся съ нихъ на второй взносъ (къ 1-му мая) денегъ — во избѣжаніе пріостановки высылки журнала.

Академическая выставка 1887 г. — Вдовая. Картина Н. П. Загорскаго.

Съ картины рис. для «Всемирной Иллюстраціи» самъ авторъ.

суметь примирить оба взгляда, в сущности несколько не противоречивых. Хорошая мысль всегда заслуживает и хорошей формы для своего выражения, безразлично будет ли то в поэзии, в музыке или в живописи. Но отдавая вышнейшей форме столь видное место, мы никак не думаем выдвигать ее на первый план, в ущерб тем внутренним качествам, которые заключаются в идеях, мотивах, то или другого произведения искусства. Хорошей техникой, ловкостью и бойкостью ремесленной руки могут в наше время похвалиться очень многие. Но значить ли это, что у нас очень много художников в истинном и высоком смысле этого слова? И развѣ виртуозъ может, когда-либо обойтись без творчества, без участія ума и души, хотя бы онъ передавал чужія, уже готовые мысли, будешь ли то pianistъ за роялемъ или актеръ на театральныхъ подмосткахъ? Повидимому, въ послѣднихъ двухъ случаяхъ весь успѣхъ задачи зависитъ только отъ выполнения, отъ блѣстности пальцевъ или отъ силы и звучности голоса. Повидимому, Бетховенъ или Шекспиръ, ихъ сила, ихъ гений и фантазія не зависятъ отъ исполнителя и не требуютъ отъ послѣдняго никакихъ качествъ, кромѣ надлежащаго совершенства техники. А между тѣмъ мы отлично знаемъ по еженедельному опыту, что далеко не каждый pianistъ и не каждый актеръ можетъ сыграть увертюру Эмонты или венеціанскаго мавра. Мы знаемъ, что для этого необходимъ особый, специальный даръ и апплодируемъ вдохновенной игрѣ Рубинштейна или Сальвини. То-же самое и еще въ большей степени относится и къ живописи.

Художникъ, который не имѣетъ ничего, кромѣ чисто механическаго умѣнья рисовать и давать своему рисунку внѣшнее сходство съ оригиналомъ, — такой художникъ въ сущности вовсе и не заслуживаетъ своего названія. Онъ можетъ хорошо подражать тому, что онъ видитъ, но онъ еще не въ силахъ воссоздавать и дополнять путемъ творчества недосказанную мысль природы; онъ не умѣетъ угадывать и ловить эту мысль на полусловѣ, потому что онъ не умѣетъ жить съ этою природою за одно и, отражая въ себѣ ея нѣмые образы, слать свои живыя впечатлѣнія. А между тѣмъ для насъ, для зрителей, важны именно эти впечатлѣнія, важна мысль природы, угаданная чуткостью художника и ясно высказанная имъ въ словѣ, въ звукахъ или на полотнѣ. Въ дѣлѣ копія того, что каждый изъ насъ можетъ видѣть въ оригиналѣ, не скажемъ намъ больше, чѣмъ самъ оригиналъ. Въ дѣлѣ копія изъ насъ видѣть и цвѣты, и березы и сосны; каждый изъ насъ присутствовалъ при тѣхъ или другихъ перипетіяхъ обыденной жизни, и всѣ эти факты, взятые только какъ факты, слишкомъ общезнамениты, чтобы повторять ихъ. Они могутъ пробуждать интересъ — и приобрятаютъ его — только въ томъ случаѣ, если художникъ сумѣетъ имъ дать новое, оригинальное и все же правдивое освѣщеніе, то освѣщеніе, которое сдѣлаетъ для насъ яснымъ и понятнымъ все скрытое и оставшееся въ тѣни. Безъ этого освѣщенія, своего освѣщенія, выработаннаго путемъ впечатлѣній и наблюдательности, путемъ ума и фантазіи художника — искусство теряетъ весь свой смыслъ и все свое оправданіе. Другими словами, задача истиннаго художника состоитъ въ томъ, чтобы передавать не явленія внѣшняго міра, а тѣ впечатлѣнія, которыя эти явленія вызываютъ въ его основиднейшей душѣ, передавать ихъ сильно, опредѣленно и безпримѣрно. Это онъ можетъ успѣть только при помощи хорошо выработанной техники.

(Продолженіе будетъ.)

Поѣздка по Закаспійской области.

День 29-го апрѣля мы провели у Кары-бенда для отдыха. Вечеромъ импровизировалось нѣчто въ родѣ народнаго гулянья: были тутъ и туземная музыка, и танкистки пѣсенники, и борьба съ денежнымъ вознагражденіемъ побѣдителя; это маленькое развлеченіе доставило истинное удовольствіе труждающемуся люду.

Отъ Кары-бенда почти до самаго Мерва намъ предстояло также идти по безводной равнинѣ, а потому еще заблаговременно сдѣлано было начальникомъ области, генераломъ Комаровымъ, распоряженіе о заготовленіи воды на почлагахъ. Къ счастью шедшіе въ теченіи апрѣля частые дожди сдѣлали излившимъ подвозъ большаго запаса воды въ сосуды, такъ какъ она оказалась въ изобиліи въ естественныхъ водоемахъ, существующихъ на пути.

30-го апрѣля, послѣ 37-ми верстнаго перехода отъ Кары-бенда, мы остановились на почлаге въ пескахъ Джуджукли-кумъ, вблизи довольно большаго озера, образовавшагося отъ дождевыхъ водъ. Здѣсь поставлена станція.

Театральная
библиотека
spl.spb.ru

1-го мая путь лежалъ черезъ пески, поросшіе саксаулиномъ. На остановкѣ у колодезь Дортъ-кую сарыкские ханы, вида неудобствъ въ степяхъ и на солціхъ русской палатки, предложили для тѣни свой бухарскій наметъ, оказавшійся очень удобномъ.

Стало уже вечерѣть, когда по направленію отъ Мерва, по ту сторону озера, показалась масса конницы. Не долго пришлось догадываться, въ чемъ дѣло: то бѣжали мержы, въ числѣ болѣе тысячи чело-вѣкъ, привѣтствовать ярлымъ-надишаха, имѣя во главѣ четырехъ своихъ хановъ и мерскаго окружнаго начальнаго, майора Алиханова. Приблизившись къ озеру, мержы напоили толпы своихъ коней, послѣ чего стали пробѣгать ихъ галопомъ въ разныхъ направленіяхъ, что представляло весьма оригинальное, эффектное зрѣлище; когда стемнѣло, прибывшіе изъ Мерва туркмены разбѣжались вдоль озера, развели костры и стали готовить чай. На слѣдующее утро майоръ Алихановъ представилъ главноначальствующему хановъ четырехъ мерскихъ племенъ: сымазъ, бекъ, бахши и векиль; ханы были въ разнообразныхъ костюмахъ, но всѣ съ капитанскими погонами, пожалованными имъ при принятіи мерскаго населенія въ русское подданство. Поговоривъ съ ханами, князь сѣлъ на коня и въ сопровожденіи свиты отправился по пути къ Мерву, гдѣ на обширномъ тапирѣ выстроена была въ одну развѣренную линію мерская конница по племенамъ, имѣя своихъ хановъ передъ фронтомъ. Главноначальствующій обѣщалъ всю линію, вдорвался съ всадниками, которые громко и дружно отвѣчали на привѣтствіе; затѣмъ, приказавъ мержамъ сдѣлать кругъ и ставъ посреди ихъ, князь обратился къ новымъ подданнымъ черезъ переводчика съ рѣчью, въ которой высказалъ имъ тѣ же наставленія, какія даны были сарыкамъ въ Асхабадѣ. Мержы слушали со вниманіемъ, и многие изъ нихъ, бывшіе впередъ, видимо сочувственно относились къ словамъ главноначальствующаго о томъ, что они должны жить теперь мирно, заботиться объ увеличеніи своего благосостоянія, не опасаясь за свое имущество и не боящая другихъ.

И дѣйствительно сколько можно было убѣдиться за время нашего пребыванія въ мерскомъ оазисѣ чрезъ разспросы жителей громадное большинство населенія чистосердечно радуется измѣнившемуся порядку вещей, дозволяющему теперь каждому спать спокойно, не боясь ни за свою жизнь, ни за цѣлость своего имущества. Если существуютъ недолговѣе, то лишь самое ничтожное число изъ туркменъ, занимавшихся прежде исключительно разбоемъ или преслѣдовавшихъ свои личныя цѣли, но не сумѣвшихъ во время оцифровки характеръ событій и потому утратившихъ прежнее свое вліяніе на народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вытекавшія изъ того матеріальныя выгоды. Результатъ-же трехмѣсячнаго занятія нами Мерва не можетъ не поразить каждого, знающаго, что представляло изъ себя еще недавно это, такъ называвшееся, разбойничье гнѣздо. Теперь-же на всемъ пространствѣ не только тѣдженскаго и мерскаго оазисовъ, но и на путяхъ изъ нихъ въ Хиву, Бухару и Персію господствуетъ такое спокойствіе и безопасность, какія желательно было-бы видѣть въ мѣстностяхъ, давно уже надѣленныхъ усовершенствованными формами администраціи и суда. Близко еще время, когда ни одинъ караванъ не рѣшался пускаться въ путь черезъ мерскую территорию, не опасаясь быть разграбленнымъ или не покупая свою безопасность наймомъ у тѣхъ-же мерцевъ достаточнаго конвоя; теперь-же какъ въ передній, такъ и въ обратный путь намъ попадались на встрѣчу не только малые караваны въ два-три верблюда, но и одиночные люди, въ томъ числѣ и персіане, которые, по мерской поговоркѣ, не иначе смѣли показываться въ мерскомъ районѣ, какъ съ веревкою на шеѣ. Придавая и теперь великое значеніе этимъ осязательнымъ послѣдствіямъ недавняго присоединенія Мерва къ русскимъ владѣніямъ, мы должны надѣяться, что значеніе это возрастетъ со временемъ еще болѣе и выразится въ широкомъ развитіи культуры и торговли въ нѣкогда цвѣтущемъ оазисѣ, который и нынѣ представляетъ самую благоприятную къ тому условія.

Съ почлага на Джуджукли-кумъ отрядъ нашъ увеличился всѣми мержами, прибывшими на встрѣчу главноначальствующему и пешими уже отсюда во главѣ колонны. Проѣденное нами 1-го мая пространство представляло, въ большей его части, песчаную степь, прерываемую лишь въ одномъ мѣстѣ большою глинистою равниною, на которой вѣло отъ дороги лежать развалины стараго караванъ-сарая Куланъ-рабата, получившаго въ прежнія времена воду изъ р. Мургаба. Отсюда вскорѣ начинается опять область песковъ, имѣющихъ волнообразный характеръ и открытыхъ настолько густою растительностью изъ саксаула и гребенника, что войскамъ нашимъ, двинувшимся въ февралѣ мѣсяцѣ къ Мерву, приходилось пробивать себѣ дорогу въ этой чащѣ. Тутъ встрѣчаются колоды Дертъ-кую, изъ которыхъ однако только два оказались годными для покла лошадей, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны слѣды бывшаго орошенія и старыхъ пашень. Лѣсная равнина, изобилующая также подожнымъ кормомъ, прости-

рается верстъ на пятнадцать; въ сторонѣ отъ пути находится могила какого-то сянато Карибъ-ата, минаовавъ которую, мы вышли на открытое мѣсто къ небольшому озеру или, вѣрнѣе, водоѣму, наполненному водой, нарочно пущенной туда, въ виду нашего прѣзда, изъ мургабскихъ арыковъ. Здѣсь мы остановились на почлаге.

Послѣдній переходъ 2-го мая, отъ упомянутого озера къ Мерву, не имѣлъ уже прежняго однообразнаго характера, такъ-какъ мы вскорѣ вступили въ культурную полосу, покрытую постанами и перерѣзанную арыками. У перваго аула Абдалъ-Топазъ началось встрѣчи съ хлѣбомъ-солы, повторявшіяся одна за другой по мѣрѣ слѣдованія чрезъ населенія племенъ сымазъ и бахши, живущихъ на лѣвой сторонѣ Мургаба. Пробѣжавъ верстъ 20 отъ мѣста почлага, мы увидѣли сквозъ зеленъ садовъ часть стѣны огромной крѣпости Кошутъ-ханъ-кала, выстроенной на правомъ берегу рѣки, въ центрѣ нѣвышняго Мерскаго оазиса. Крѣпость эта представляетъ неуразимый четырехугольникъ, обнесенный съ трехъ сторонъ насыпнымъ валомъ высотой до шести сажень, съ заложениемъ около десяти; площадь внутренняго пространства рассчитана такъ, чтобы въ случаѣ серьезной опасности все мерское населеніе, насчитывающее 48 тысячъ кибитокъ, могло найти въ ней убѣжище со всѣмъ своимъ имуществомъ. Грандіозное это сооруженіе начато было въ 1873 г., въ ожиданіи движенія русскихъ войскъ изъ Хивы на Мервъ, причемъ все мужское населеніе Мерва работало въ теченіи двадцати дней по участкамъ, распределеннымъ между отдѣльными родами, сообразно численности каждого изъ нихъ. Когда мнимая опасность миновала, постройка была оставлена и возобновлена послѣдствіемъ тѣмъ же порядкомъ, при наступательномъ движеніи намерѣвъ къ Гекъ-тепе; юго-восточный фасъ крѣпости остался невозведеннымъ, равно какъ и не заполнены насыпью небольшіе промежутки между участками работавшихъ туркменскихъ родовъ. Внутреннее пространство ограды занято теперь постанами.

Не доходя Мургаба, на лѣвомъ берегу его, отведено теперь новое мѣсто для баара, бывающаго два раза въ недѣлю и на который собирается отъ 5-ти до 7-ми тысячъ чело-вѣкъ. Здѣсь уже образовалась улица, обставленная двумя рядами кибитокъ и небольшихъ палашей, занимаемыхъ нѣсколькими десятками купцовъ, ведущихъ постоянную торговлю; кромѣ того, на базарномъ участкѣ разобрано въ послѣднее время 76 мѣстъ разными торговцами, преимущественно евреями, приходящими сюда съ товаромъ въ базарные дни. За мѣста подъ торгъ взимается особая плата, и къ нашему прѣзду въ Мервъ поступило уже въ доходъ съ этой статьи болѣе трехъ тысячъ рублей. Мержы довольно бойко торгуютъ своимъ сырьемъ, но очень мало покупаютъ у торговцевъ-армянъ, которые жалуются, что дѣла ихъ, при незначительности нашего гарнизона въ Мервѣ, идутъ вяло; съ другой стороны слышится уже опасенія, чтобы, по мѣрѣ перехода торговли въ руки армянъ, послѣдніе не появлялись, подобно тому какъ въ Асхабадѣ, на возвышеніи цѣны и на ухудшеніе качества сырья, продаваемого при ихъ посредствѣ. Теперь уже насчитывается въ Мервѣ 28 торговцевъ-армянъ, но съ самымъ незначительнымъ запасомъ товара.

Противъ базарной улицы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ праваго берега рѣки, расположено наше укрѣпленіе, примыкающее къ юго-западному фасу Кошутъ-ханъ-кала. Сообщеніе черезъ Мургабъ, ширина котораго въ этомъ мѣстѣ не превосходитъ 15—20 сажень, производится по мосту временнаго характера; при сильной приблыви воды мостъ этотъ легко сносится, что едва и не случилось при вѣздѣ намѣмъ изъ Мерва.

Внутри нашего укрѣпленія помѣщаются всѣ войска, составляющія гарнизонъ, и управленіе начальника округа. Люди расположены въ кибиткахъ и частью въ палаткахъ, лошади-же подъ навѣсомъ. Несмотря на многія неудобства, неизбежныя при первоначальномъ размѣщеніи въ новомъ, неустроенномъ пунктѣ, войска пользуются удовлетворительнымъ здоровьемъ; тѣмъ не менѣе желательно скорѣйшее возведеніе болѣе удобныхъ жилищъ помѣщеній, въ особенности для больныхъ, такъ какъ при нерѣдко бывающихъ здѣсь сильныхъ вѣтрахъ срываетъ не только палатки, но и кибитки, не говоря о массѣ пыли, заносимой внутрь этихъ жилищъ.

Главноначальствующій остановился въ помѣщеніи начальника округа, майора Алиханова, устроенномъ изъ трехъ прекрасныхъ отдѣльныхъ и внутри сообщавшихся между собою кибитокъ; но и эта бесспорно самая комфортабельная «квартира» въ Мервѣ страдаетъ тѣми-же неудобствами, о которыхъ только что упоминали, въ чемъ пришлось убѣдиться не далѣе, какъ на слѣдующую ночь, во время разразившагося сильнаго вѣтра, а потомъ и дождя. Передъ помѣщеніемъ окружнаго начальника, на выложенной изъ кирпича площадкѣ, расположены въ рядъ тѣла 28 орудіи изъ числа отбитыхъ техниками при истребленіи или въ 1860 году персидской арміи принца Султанъ-Мурадъ-миръ.

(Продолженіе будетъ.)

Всемирная Иллюстрация

№ 955. Годъ XIX.]

2-го мая 1887 г.

[Томъ XXXVII. № 19.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

При этомъ номерѣ «Всемирной Иллюстраціи» разсылается для всѣхъ подписчиковъ *третье художественное приложение* за 1887 годъ —

автотипія съ картины А. Эдельфельта

„РЫНОКЪ ВЪ ФИНЛЯНДІИ“,

ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ,

и гг. новые подписчики получаютъ журналъ съ 1-го номера со всѣми бесплатными приложеніями.

УЧИТЕЛЬ.

ПОВѢСТЬ

Максима Бѣлинскаго (І. Ясинскаго).

X.

— То съ вами?! вскричала Глафира Львовна, наклоняясь къ гостѣ. Успокойтесь, милая, дорогая! Воды подать? Сейчасъ... Не плачьте! Перестаньте! Вотъ, смотрите, вода! Напейтесь, Соломонида Кирилловна!

— Уйдите отъ меня, не мучьте!

Вошелъ Поморовъ такъ-же неслышно, какъ и вышелъ; можно было подумать, что онъ сидѣлъ все время за дверью и слушалъ.

— Съ Соломонидой Кирилловной бываютъ нервные припадки, сказалъ онъ. По временамъ ее смущаютъ странныя опасенія, и она думаетъ, что ее всѣ презираютъ... Соломонида Кирилловна, грѣшно срывать нервы на другихъ. Придите въ себя.

Соломонида Кирилловна вздрогнула, поймала руку Кустовой и сквозь слезы произнесла:

— Не гнѣвайтесь... Сейчасъ я назвала себя кроткой овечкой, и, видите, это неправда... Простите болѣющую.

Она глотнула воды. Послѣ глубокого вздоха она промолвила:

— Смотрите, повинуюсь ему... Ахъ, Глафира Львовна, надо страдать долго и надо вѣчно „голодать“, чтобъ умѣть повиноваться. Право, душевный мѣръ... Но я должна вернуться къ своимъ признаніямъ. Теперь немного...

— Лучше успокойтесь, сказала Глафира Львовна. На васъ непріятно дѣйствуютъ воспоминанія.

— Бойтесь, что повторюсь? И, главное, васъ оскорбила моя рѣзкость? Вотъ и онъ замѣтилъ... Даю вамъ слово! Милая! Глафира Львовна...

Кустова поцѣловала ее.

— О, вы добрая, великодушная! Не бойтесь же. Мнѣ теперь хорошо и легко — послѣ слезъ.

Она легла на нѣкоторое время и начала:

— Когда умеръ мужъ, я впала въ такое отчаяніе. Стоить-ли жить, да и имѣть-ли жизнь какую-нибудь цѣнность, если въ самые молодые годы, въ то время, какъ хочешь счастья и полна силъ — вдругъ смерть!... какая жестокость, какая нелѣзная! Тутъ, разумеется, естественно разочароваться. Я окончательно сдѣлалась матеріалисткой. Представьте только, я все отрицала, и люди мнѣ казались стадомъ

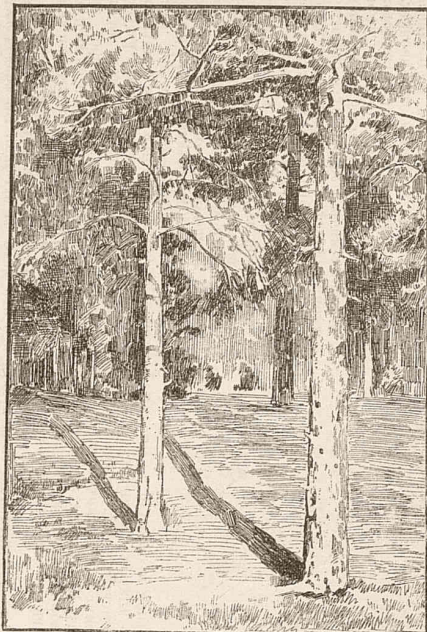
М. Соймоновъ.

Перелетныя птицы.

Изъ Гейне.

Почуяли весну — и въ путь снялися птицы.
Едва загорѣлась румяная заря:
Снялися — и къ сѣверу несутся вереницы
Черезъ океаны и моря.
На сѣверъ сѣдомъ недолго солнце грѣетъ.
Недолго зелены кудрявые лѣса:
Дохнетъ старикъ-морозъ — и все заледенѣетъ.
И въ кущахъ голыхъ липъ умолкнуть голоса.

Такъ на душу порой нисходитъ вдохновенье,
Будя ее на мигъ отъ тягостнаго сна.
И въ ней цвѣтутъ цвѣты, звучать въ ней пѣнопѣнья,
И свѣтлымъ праздникомъ проносятся весна.
Но чудный мигъ исчезъ, какъ въ небѣ слѣдъ зарницы.
Цвѣты склонились на снѣжную постель,
И перелетныя назадъ умчались птицы —
Назадъ, за тридцать земель...

XV передвижная художественная выставка.
Роца.

Картина И. И. Шишкина.

зиль художник. Положим, это реально, но бѣда въ томъ, что это слишкомъ реально. И если поэтъ слѣдуетъ изображать просто, безъ всякихъ ложно-классическихъ погрешекъ, то все же нельзя въ поэтѣ забывать поэта, нельзя забывать главного. Съ этой точки зрѣнія оба портрета г. Ярошенко не удовлетворяютъ самой снисходительной критики. Если же на нихъ смотрѣть только какъ на протоколъ, то во всякомъ случаѣ это протоколъ подчеркнутый, тенденціозный и стало быть невѣрный, не безпристрастный.

Срединное мѣсто между портретомъ и жанромъ занимаютъ граціозныя работы Ю. Я. Лемана. Его кисть почти всецѣло посвящена изображенію женщинъ, и въ этой области онъ достигъ весьма высокаго мастерства. Глядя на его „Парижанку“ и „Дѣвушку за вышиваньемъ“, вы сейчасъ же усвоите себѣ точку зрѣнія художника, поймете его и вѣроятно опѣните. Женщины картинъ Лемана — это не тѣ поэтическая, воздушныя, почти невѣрные созданія, которыя такъ часто улыбаются вамъ съ изящныхъ полотенъ Константина Маковского; еще менѣе онѣ подходятъ къ типу обольстительныхъ прелестницъ тенденціозныхъ картинъ Суховоского или къ здоровымъ, крупнымъ, нѣсколько неуклюжимъ женщинамъ Боброва. Нѣтъ, въ женскихъ жанрахъ Лемана вы не увидите ни поэзии, ни публицистики, ни чувственности, но за то въ нихъ много тонкаго вкуса, приличнаго шика и хорошаго реализма. Художникъ очевидно съ большою любовью рисуетъ своихъ женщинъ. Но онъ не идеализируетъ ихъ, не осуждаетъ ихъ и никогда не забываетъ границъ пѣломудрія. Короче, онъ изображаетъ молодыхъ, привѣтливыхъ и милыхъ женщинъ порядочнаго круга, быть можетъ

XV передвижная художественная выставка.
Пушкинъ у Гоголя.

Картина М. П. Клопта

нѣсколько кокетливыхъ, но всегда пристойныхъ и скромныхъ.

Переходя къ жанру, слѣдуетъ упомянуть о нѣсколькихъ холстахъ В. Маковского, въ общемъ гораздо менѣе удачныхъ, чѣмъ прежнія работы этого художника. Добродушный юморъ, еще недавно сквозившій въ каждомъ его штрихѣ, теперь только отчасти напоминаетъ о себѣ въ небольшой картинѣ — „На бульварѣ“. Остальныя же его вещи, какъ-то: „Охотники“, „Въ трактирѣ“, „Передъ куаньемъ“ и особенно „У воспитательнаго дома“ не производятъ никакого впечатлѣнія.

Изъ четырехъ картинъ, выставленныхъ К. А. Савицкимъ, одна — „Курильщики“ — очень наивно задумана и недурно выполнена. Мальчуганы-школьники съ книжками сумками подъ мышкой или за плечами возвращаются послѣ уроковъ домой и по дорогѣ закуриваютъ папиросы. Конечно у такихъ курильщиковъ спички всегда при себѣ, и вы видите какъ одинъ изъ нихъ, самый младшій, ставши спиной противъ вѣтра, съѣхился и съ озабоченнымъ лицомъ закуриваетъ какой-то окурочекъ.

М. П. Клодтъ выставилъ пять холстовъ: „Стрѣлецъ“, „Хохлушка“, „Капуцинъ“, „Пушкинъ у Гоголя“, и Конечъ „Мертвыхъ душъ“. Последними двумя онъ задумалъ что-то капитальное, крупное, но... отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ! Гоголь, сжигающій окончаніе „Мертвыхъ душъ“, представленъ стоящимъ у пылающаго каминна. На полу разбросаны порфейлы и свитки, болѣе похожіе впрочемъ на дрова, чѣмъ на свернутые листы бумаги. Однако по количеству этихъ свитковъ можно подумать, что Гоголь собирается сжечь цѣлую библиотеку, а не одну рукопись въ нѣсколько печатныхъ листовъ. Но это мелочи и пустяки въ сравненіи съ

полненію. Особенно хороша верхняя часть картины, гдѣ сквозь чащу вѣтвей, какъ-бы отдѣляющихся отъ полотна, виднѣется темно-голубое небо. За Шишкинымъ должно поставить Е. Е. Волкова, а за нимъ и А. А. Киселева. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою оригинальную фizioномію, но къ сожалѣнію почти невозможно говорить о пейзажѣ, не имѣя его передъ глазами. Здѣсь нѣтъ такъ называемаго *содержанія*, какъ, напримѣръ, въ жанрѣ или исторической живописи; здѣсь нечего рассказывать, потому что здѣсь все зависитъ отъ колорита, отъ яркости цвѣтовъ и сочетанія красокъ, которыя не поддаются описанію, хотя невольно чувствуются присмотрѣвшимся глазомъ. Можно хвалить или порицать данный пейзажъ, можно говорить объ общемъ впечатлѣніи, которое онъ вызываетъ, но нельзя указывать на частности, если онѣ заключаются въ такихъ вещахъ, какъ стволы деревьевъ, трава, цвѣты и т. п.

Въ дѣломъ — передвижная выставка этого года отличалась замѣчательнымъ богатствомъ, и количественнымъ, и качественнымъ. Счастливый случай соединилъ здѣсь не только мимолетныя работы болѣе или менѣе талантливыхъ художниковъ, но и такія картины, которыя писались много лѣтъ, и изъ которыхъ каждая могла-бы стать дорогимъ украшеніемъ любой выставки. Если-же въ нашемъ обзорѣ, далеко не полномъ, оказалось болѣе мрачныхъ, чѣмъ свѣтлыхъ красокъ, то все же потому только, что мы предпочитали указывать на устраняемые недостатки, чѣмъ предаваться бесполезнымъ и мало вразумительнымъ восторгамъ.

А. К.—ковъ.

— К О Н Е Ц Ъ —

XV передвижная художественная выставка. — Заглохшая рѣка.

Картина Е. Е. Волкова.

Поѣздка по Закаспійской области.

(Продолженіе.)

День 3-го мая, предназначавшійся для поѣздки въ окрестности, пришлось провести въ укрѣпленіи, вслѣдствіе дождливой погоды. Вечеромъ собрались за обѣдомъ у главноначальствующаго всѣ офицеры мервскаго гарнизона и ханы, которые вовсе не чувствовали себя стѣсненными въ новой для нихъ обстановкѣ, развязно бесѣдовали съ сосѣдями-офицерами, пили вино и водку, не признавая запрещеній корана. Любезное отношеніе князя къ своимъ гостямъ и теплое участіе, выказанное имъ въ разговорѣ съ офицерами, къ тяжелымъ условіямъ ихъ службы, придали вполнѣ непринужденный характеръ нашей трапезѣ и произвели отрадное впечатлѣніе на мервскихъ нашихъ отшельниковъ; особенно же ободрила офицеровъ высказанная княземъ надежда на замѣну будущю осенью расположенныхъ нынѣ въ Мервѣ частей войскъ другими.

4-го мая главноначальствующій, въ сопровожденіи прибывшихъ съ нимъ лицъ, отправился въ восточную часть мервскаго оазиса, гдѣ верстахъ въ 25—30 отъ укрѣпленія Коушутъ-хана сохранились остатки древнихъ городовъ Мерва изъ періода его цвѣтущаго состоянія. Мѣстность, по которой мы ѣхали, изрѣзана арыками, выведенными изъ Тохтамышскаго канала и орошающими посѣвы племенъ Бекъ и Векиль; между ними разбросаны аулы изъ кирпичей разной величины. Ближъ самой-же Коушутской крѣпости ютятся рядъ сакель, окруженныхъ садами, которые огорожены глиняными стѣнками. Къ 6-ти ча-

самы вечера мы прибыли в аул или дба Юсуф-хана, управляющего племенем Бекил, где приготовлен был ночлег.

В этом ауле живет мать Юсуф-хана, Гюль-Джамаль, вдова бывшего хана ахальскаго и мерскаго, Нурверды, пользующаяся большим уважением в народе и имевшая в свое время влияние на принятие мерцами решение добровольно вступить в подданство России. Во внимание к оказанной ею в этом случае услуге Государю Императору угодно было пожаловать Гюль-Джамаль богатый парчевой халат с собольей опушкой и купак с большими, в туземном вкусе, прижимами, усыпанными бирюзой и кораллами. Для вручения ей царских подарков Гюль-Джамаль была приглашена к кибитке главноначальствующаго, у которой собралась свита князя и толпа аульных жителей. Так как ханша не была предвара о предстоящем вручении ей подарков от Ак-Падишаха, то она явилась одетою совершенно просто, как все текинские женщины, в сопровождении Мухтум-Кули и Юсуф-ханов. Гюль-Джамаль еще не старая женщина, небольшого роста, с монгольским типом, присущим большинству текинцев, которых пришлось видеть. На слова главноначальствующаго, что Государь, узнав о ее полезных услугах мерскому народу и русскому правительству, пожелал выразить ей высокое свое благоволение пожалованием от себя подарка, привезеннаго из Петербурга сыном князя, Гюль-Джамаль скромно отвечала, что она не смеет считать себя достойною такого внимания, преподанна благодарности за большие милости, оказанные сыновьям ее покойнаго мужа, и чрезвычайно счастлива уже тем, что маленькия ее услуги стали известны великому Царю. Тут же поднесла был ханш парский халат и накинула ей на плечи двумя ее сыновьями; в этом парде, при звуках казачьей музыки и на глазах жителей, с любовным вниманием следивших за происходившею церемониею, Гюль-Джамаль степенно поступью возвратилась в свою кибитку, куда, вслед за нею, отнесли был и другой царский подарок.

Переночевав в ауле Юсуф-хана, мы слѣдующим утром побхали осматривать развалины старых городов; все они лежат в одной группѣ и занимают обширное пространство, свидетельствующее о величии и многолюдности древняго Мерва. Ближайшія къ Юсуф-ханову аулу и подлѣйшія по времени развалины принадлежатъ городу Байрам-Али, называемому такъ по имени послѣдняго правителя Мерва изъ Каджарскаго рода, построившаго здѣсь крѣпость, въ которой онъ и погибъ въ войнѣ съ бухарцами въ концѣ прошлаго столѣтія, а городъ былъ совершенно разрушенъ. Темъ не менѣе, изъ остатковъ прежнихъ мерскихъ городовъ развалины Байрам-Али наиболее сохранившіеся; съ западной стороны его видны слѣды предѣлѣй, доходившихъ до самой паружной стѣны города, чрезъ которую ведутъ большія сводчатыя ворота; внутри городъ былъ раздѣленъ на три части, обнесенныя каждая стѣной; изъ нихъ въ центральной, служившей вѣроятно дѣтальей, находился ханскій дворецъ. Изъ остатковъ строеній, болѣею частью разрушенныхъ и занесенныхъ на половину землей и пескомъ, сохранились еще нѣсколько мечетей, бань съ живописью на стѣнахъ, въ персидскомъ вкусе, громадное медресе, но все они, конечно, въ такомъ

состояніи, что многія части ихъ ежеминутно угрожаютъ паденіемъ. Среди этихъ развалинъ является масса обожженнаго кирпича разныхъ оттѣнковъ съ лазурною облицовкою, черенки посуды, монеты, женскихъ украшеній и проч.

Въ разстояніи верстѣ трехъ отъ Байрам-Али-кала лежатъ смежныя развалины двухъ древнѣйшихъ городовъ рѣды: самый громадный изъ нихъ, майяни-Гаур-кала; надо полагать, что это и есть

перъ еще сохранилось отъ нея нѣсколько архитектурныхъ памятниковъ, между которыми особенно замѣчательно грандіозное зданіе на подобіе мечети, возвышающееся надъ могилою султана Санджара и имѣющее до 17-ти саженъ вышины.

По возвращеніи изъ древнихъ городовъ въ аулѣ Юсуф-хана мы вновь воспользовались его гостепріимствомъ и провели тамъ ночь, по возможности вернувшись въ тотъ же день въ укрѣпленіе наше на Мургабѣ. 6-го мая утромъ, передъ

Музыканты и пѣвцы въ Тедженѣ. — Верблюды, украшенные для отвоза новобрачной изъ дома родныхъ.

Поѣздка по Закаспійской области.

Съ фотографій бр. Кондратенко рис. В. Павлова.

древній Мервъ, извѣстный въ старинныхъ иранскихъ письменныхъ памятникахъ подъ именемъ Муру или Мару. Отъ него остались теперь слѣды высокаго землянаго вала, протяженіемъ, какъ говорятъ, болѣе 20-ти верстъ, и внутри множество кургановъ, вѣроятно скрывающихъ не мало предметовъ величайшаго интереса для исторической археологіи. Рядомъ съ Гаур-калою находятся развалины Искендеръ-калы, города, основаннаго здѣсь, будто бы, Александромъ Македонскимъ или однимъ изъ его полководцевъ; въ этихъ развалинахъ, занесенныхъ также землею, не видно никакихъ слѣдовъ наружныхъ памятниковъ. Наконецъ, еще нѣсколько далѣе лежатъ развалины обширнаго города Султанъ-Санджаръ-кала, построеннаго въ XI вѣкѣ по Р. Х. знаменитымъ государемъ того же имени Селджукомъ династіи. Столица эта, славившаяся своимъ великолѣпіемъ и бойкою умственной жизнью, погибла при нашествіи полчищъ Чингиса. Впрочемъ, те-

перь еще сохранилось отъ нея нѣсколько архитектурныхъ памятниковъ, между которыми особенно замѣчательно грандіозное зданіе на подобіе мечети, возвышающееся надъ могилою султана Санджара и имѣющее до 17-ти саженъ вышины.

По возвращеніи изъ древнихъ городовъ въ аулѣ Юсуф-хана мы вновь воспользовались его гостепріимствомъ и провели тамъ ночь, по возможности вернувшись въ тотъ же день въ укрѣпленіе наше на Мургабѣ. 6-го мая утромъ, передъ выѣздомъ, главноначальствующій передалъ Гюль-Джамаль-бай, черезъ своего сына, подарокъ отъ себя лично — въ знакъ памяти за оказанный ханшю радужный пріемъ; подарокъ состоялъ изъ большаго ожерелья, гребня и браслетовъ, отдѣланныхъ разноцвѣтными, очень эффектно подобранными камнями. Съ своей стороны ханша просила принять отъ нея, по турецкому обычаю, нѣсколько ковровъ прекрасной мѣстной работы. Къ 11-ти часамъ утра того же дня главноначальствующій возвратился въ Мервское укрѣпленіе, гдѣ посѣтилъ нѣсколько часовъ на обсужденіе съ генераломъ Комаровымъ будущія наши мѣропріятія въ этомъ оазисѣ, относящихся какъ до внутренняго его устройства и развитія его производительныхъ силъ, такъ и до установленія дружественныхъ торговыхъ сношеній съ соседями, чему особенно благоприятствуетъ выгодное положеніе Мерва. Около 6-ти часовъ, когда жара стала снѣдать, князь произвелъ парадъ войскамъ мерскаго гарнизона по случаю празднованія дня

совершеннолетия Государя Наследника Цесаревича. Затѣмъ, передъ помѣщеніемъ главноначальствующаго собраны были ханы, разные почетныя лица, ишаны, судьи, старшины, которые заявили себя какими-либо услугами нашей администраціи; всѣхъ ихъ князь благодарилъ за службу и лично раздавалъ награды, заключающіяся въ медаляхъ и разныхъ цѣнныхъ подаркахъ. Между тѣмъ въ стѣнѣ укрѣпленія приготовлено было, по приказанію главноначальствующаго, угощеніе для народа, которому черезъ хановъ объяснено было значеніе празднуемаго нами въ этотъ день торжества; внутри-же укрѣпленія угощаемы были нижніе чины гарнизона. Когда стемнѣло, на ближайшемъ къ Мургабу, сѣверо-западномъ углу Кошутской крѣпостной стѣны сожженъ былъ фейерверкъ передъ массою шировавшихъ внизу текинцевъ; при появленіи горѣвшаго щита съ вензелемъ Государя музыка заиграла „Боже, царя храни“, а съ валовъ нашего укрѣпленія произведены были орудійные выстрѣлы и ружейныя залпы стрѣлковъ, сопровождавшіеся перекапнымъ „ура“. Когда раздалися выстрѣлы орудій, гулъ отъ которыхъ громко разносился по Мургабу, долетавшій до насъ шумъ изъ тысячной толпы ужинавшихъ туркменъ мгновенно смолкъ; оказалось, что мервцевъ неожиданно поразили этотъ эффектный финалъ праздника 6-го мая.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Отель Друо.

(Окончаніе.)

III.

Когда-то Ла-Брюйеръ зло и остроумно посмѣялся надъ собирателями медалей, эстамповъ, картинъ, и если онъ не сдѣлалъ того же относительно любителей манускриптовъ, то вѣроятно только по забывчивости. Не углубляясь въ исторію древняго Рима, когда какой-то мепенатъ предлагалъ Плинію громадную

Русскіе художники. — Финляндецъ-крестьянинъ.

Этюдъ А. Эдельфельта. Съ рисунка, исполненнаго перомъ грав. Ш. Бодъ въ Парижѣ.

сумму въ 400.000 сестерціевъ за его знаменитую бібліотеку, ограничимся болѣе близкой къ намъ эпохой. Еще недавно, въ концѣ прошлаго столѣтія, манускриптамъ не

сего и разоблачать скрытыя грѣшки историческихъ знаменитостей. Можно легко себѣ представить то наслажденіе, съ которымъ какой-нибудь любитель перчиты-

придавали почти никакой цѣны. Быть можетъ, письма Мазарини служили тогда для обертки свѣчей, а въ сатиры Буало спокойно заворачивался чей-нибудь нюхательный табакъ. Фелье де-Кошшъ, извѣстный авторъ „Causeries d'un curieux“, рассказываетъ о письмахъ Маріи Англанети къ г-жѣ Полиньякъ, найденныхъ имъ у какого-то незначительнаго торговца фруктами; а когда въ 1820 году 40 собственноручныхъ писемъ Вольтера были проданы за 460 франковъ, то эта цифра казалась всѣмъ настолько значительной, что о ней долго не переставали говорить. Немного позже поступили въ продажу письма m-me де-Севиннъ за 45 франковъ и г-жи Домпадуръ — за 15! Только въ Англіи цѣною стерлинговъ приобритались лѣтвыя письма европейскихъ монарховъ къ Наполеону I, да и то потому скорѣе, что опасались ихъ публикаціи, неспротивно для заинтересованныхъ. Въ Парижѣ торговля манускриптами вошла въ моду сравнительно очень недавно и о возрастающихъ ея успѣхахъ можно судить хотя бы по тому факту, что до 1830 г. дѣлѣ было всего 28 подобныхъ распродажъ, а въ промежуткахъ 1830—1860 гг. число ихъ поднялось до двухсотъ. Съ тѣхъ поръ собираніе манускриптовъ стало превращаться въ какую-то страсть, принимающую подчасъ колоссальныя размѣры. И въ самомъ дѣлѣ, можно отыскать своего рода удовольствіе въ обладаніи пожелтѣвшей отъ времени бумагой, запечатлѣнной гениемъ и рукою великаго человѣка, его фантазіей и мыслью, любовью и гнѣвомъ, надеждами и разочарованіями. Кто изъ насъ не заводилъ альбома, чтобы имѣть собраніе подписей, замѣтокъ, рисунковъ или стиховъ близкихъ друзей и знакомыхъ? Конечно болшинство обыкновенныхъ любителей всего болѣе дорожитъ галантной перепиской Фринъ и Ловласовъ, которыхъ не мало во всякую эпоху. Безспорно, очень любопытно владѣть какимъ-нибудь неопровержимымъ, вещественнымъ доказательствомъ тайныхъ привязанностей великихъ міра

Иностранные художники. — На водопоѣ.

Картина В. Вейсгаупта.

Всемирная Иллюстрация

№ 959. Годъ XIX.]

30-го мая 1887 г.

[Томъ XXXVII. № 23.

ДОЧЬ СВЯЩЕННИКА.

РОМАНЪ.

Софья Михайловой.

Такъ ты рѣшительно отказываешься отъ брака съ Павломъ Платонычемъ? спросилъ молодой представительный священникъ сестру, сидѣвшую у окна. Онъ стоялъ посреди комнаты въ позѣ человека, нетерпѣливо ожидающаго конца разговора, видимо наскучившаго ему. Въ лицѣ его было холодное недовольство. Дѣвушка сидѣла угрюмая.

— Рѣшительно отказываюсь, отвѣтила она: Павелъ Платонычъ мнѣ не нравится. Тяжело будетъ жить съ нелюбимымъ человекомъ и вѣчно слушать: „Господи помилуй“ и „Аллилуйя“!

— Твоя мать всю жизнь слушала этотъ припѣвъ отъ твоего отца, я, твой братъ, самъ вычитываю этотъ припѣвъ и не нахожу тутъ ничего скучнаго. Отчего же ты, дочь и сестра священника, боишься всю жизнь слушать этотъ припѣвъ?

— Очень просто: оттого, что я должна буду выслушивать этотъ припѣвъ изъ устъ человека нелюбимаго.

— Кого же ты ждешь? насмѣшливо спросилъ братъ, капитана гвардіи, быть можетъ?

— По крайней мѣрѣ не идиота, рѣзко отвѣтила дѣвушка.

— Идиота?! Священникъ широко раскрылъ глаза. Откуда ты набралась этихъ словъ, Клавдія? Это все вліяніе семейства Дубовскихъ. Я увѣренъ, что не познакомься ты съ Марьей Степановной и не наслушайся ея бредней, ты иначе бы взглянула на этотъ бракъ, выгодный во всѣхъ отношеніяхъ. Павелъ Платонычъ искренно къ тебѣ расположенъ, мѣсто у него будетъ прекрасное, жить вы будете только вдвоемъ, родныхъ у него нѣтъ, — и Михаилъ Григорьевичъ перечислилъ обстоятельно всѣ выгоды предстоящаго брака. — Чего тебѣ еще нужно?

Сестра упорно молчала. Михаилъ Григорьевичъ приходилъ въ видимое раздраженіе.

— Но, Клавдія, ты должна же наконецъ подумать и о будущемъ. У меня своя семья; братъ Дмитрій можетъ тоже жениться; неужели же ты согласишься тяжелымъ бременемъ быть для твоихъ родныхъ?

Это была истинная причина, по которой братъ желалъ ей скорѣйшаго супружества, и дѣвушка стало вдругъ особенно тяжело. Она не желаетъ обременять собою семью брата.

— Я пойду куда-нибудь въ услуженіе, сурово сказала она.

— Намъ это будетъ неприятно, мы на это не согласимся, тѣмъ болѣе, что у тебя есть приличный выходъ — бракъ съ служителемъ церкви, желая быть торжественнымъ, сказалъ братъ. Сестра упорно промолчала и на это. Михаилъ Григорьевичъ раздражался все больше и больше.

— Такъ ты и послѣ всего рѣшительно отказываешься отъ брака съ Павломъ Платонычемъ? нестерпимо, грубо спросилъ онъ сестру.

На глазахъ дѣвушки навернулись слезы.

— Если вамъ такъ необходимо выгнать меня, съ горечью сказала Клавдія Григорьевна, то я не буду стѣснять васъ... Вы желаете, чтобы я

оставила вашъ домъ, и я оставлю его — я уйду.

Отвѣтъ сестры окончательно взорвалъ священника.

— Уходи! уже гнѣвно выговорилъ онъ, уходи! Но посмотримъ, какую „аллилуйю“ затянешь ты въ жизни своей. И, быстро повернувшись, онъ прошелъ въ сосѣдную комнату, его кабинетъ, гдѣ за письменнымъ столомъ сидѣлъ его второй братъ, профессоръ б—ской духовной семинаріи, и внимательно слушалъ разговоръ Михаила Григорьевича съ сестрой.

— Рѣшительно отказывается! хмуро сказали священникъ, входя въ кабинетъ.

— Женихъ не по вкусу, иронически замѣ-

тилъ профессоръ, сдѣлавъ неприятную гримасу.

— Нѣтъ, не въ этомъ дѣло: я вижу тутъ вредное вліяніе Дубовскихъ.

— Можетъ быть и то, равнодушно замѣтилъ профессоръ. Въ итогѣ однако оба брата остались недовольны рѣшеніемъ сестры.

Клавдія Григорьевна продолжала сидѣть на томъ же мѣстѣ. Она глубоко, тяжело задумалась. Откровенное напоминаніе брата о томъ, что она лежитъ бременемъ на ихъ шеѣ, сильно задѣло ее. Куда же дѣться? Неужели выйти замужъ за человека, который не нравится? Она не въ состояніи этого сдѣлать. Въ комнатѣ было тихо, и изъ кабинета до нея доно-

Русскіе художники. — Крестьянка Тульской губерніи.

Этюдъ Н. Шаховскаго.

— 3-го юнія (22-го мая) імператор Вільгельм совершил близ Голтену торжественную закладку морского канала между Северным и Балтийским морями. На церемонии присутствовали принцы, министры, члены совещаного совета, президенты рейхстага и сейма и многие другие лица. Несмотря на довольно сильный морской ветер, император возвратился в Киль морем, на пароходе „Rompetunia“. Народ всюду приветствовал императора восторженными кликами.

— По поводу англо-турецкой конвенции относительно Египта газета „Paris“ сообщает, будто-бы к конвенции приложена тайная статья, гласящая, что Англия и Турция заключают между собою оборонительный и наступательный союз при взаимной гарантии своих азиатских владений.

— „Liberté“ сообщает, что военный министр Феронь готов отказаться от проекта относительно производства опытов мобилизации.

Добывание соли на острове Челекен.

Огромная пространства русских владений в средней Азии до настоящего времени почти не исследованы; быть может, в этой дикой степи погребены неисчислимые богатства ввиде каменного угля, различных руд, соли и проч., которыми воспользуются будущие поколения; в настоящее же время известны только те сокровища азиатских земель, которые утилизирует аборигены пустыни — дикий туркмен.

Туркмен знает очень мало производства; то, чего не могут дать ему верблюды и овцы, он получает мнимою сдвкою или просто грабежом от более цивилизованных соседей. Удовлетворяя таким образом своим ограниченным потребностям, туркмен никогда не заглядывает в кладовые земли: достаточно того, что пустыня дает ему от своих щедрот, вынося на дневную поверхность нефть — ввиде источников и соль — ввиде залежей.

Соляные залежи находятся в общественном владении у туркмен-юмудов, жителей острова Челекена. Право туркменской разработки имеет каждый челекенец; добывание насимиными силами не допускается вовсе. Торговлей солью и нефтью существует до 700 туркменских семей на острове, не убогих ничего дѣлать и не могущих в настоящее время запускать свои юрты в неосторожных мореходов-торговцев, как это было лет 20 назад.

Разработка соли в самых больших размерах производится на острове Челекен, лежащем на восточном берегу Каспийского моря, вблизи Красноводского коса, в 40 верстах от материка. Остров имеет грушевидную форму и простирается с севера на юг на 60 верст. Пустынные низкие не покрытые никакой растительностью берега, цѣлы горы, охватывающих колымою среднюю его, с нефтяными источниками по склонам (до 3.500 источников), кратерообразная впадина в центр как бы свидетельствуют о вулканическом происхождении острова. В котловинах, окаймленных горами, под слоем песка в 1/2 аршина залегает соль, которую туркмены вырубают небольшими желтыми топориками, вынимая из выступавшей при разработке густой грязной жидкости, высушивают на солнце и придают кинжалам и шапкам эту же главную форму параллелепипеда. Соль в котловинах лежит несколькими толщами; как глубоко она простирается — туркмен не знает: он берет только верхние пласты, пренебрегая нижними, разработка которых требует большого труда. Вследствие отсутствия вывозной торговли, туркмен продает добытую соль только на местъ разработки, где она грузится на верблюдов, подвозится к берегу и здесь продается персидским и отчасти кавказским купцам по 80 коп. за „халвар“ (местная мера: халвар равняется 30 пудам). Такая дешевизна соли обуславливается небольшим спросом на нее и малозначительностью местонахождения.

Пожаръ въ театрѣ „Комической оперы“ въ Парижѣ.

13-го (25-го) мая въ Парижѣ случилась страшная катастрофа: сгорѣло здание театра „Комической оперы“ во время спектакля. Вотъ какъ передаютъ это ужасное событие парижскія газеты:

Шла „Midon“; первый актъ приходилъ къ концу. Вдругъ въ залѣ поднялись крики „горимъ!“, распространившиеся въ публикѣ невыразимую панику. Загорѣлась декоративная драпировка, затѣмъ занялись сами декорации. Благодаря сильной жарѣ, огонь поднялся наверхъ и охватилъ деревянные галереи. Публика бросилась къ выходамъ; люди давили другъ друга, падали и растаптывались вновь прибывающими толпами. Подъ влияніемъ охватившаго всѣхъ ужаса привратники забыли отворить двери ложъ, которыя сдѣлались могилами множества народа. Театръ сгорѣлъ до основанія, остались одиѣ стѣны безъ крыши. Въ парижской префектурѣ лежатъ теперь 430 сломанныхъ просящихъ о выспысывающихся безъ вѣсти, поданныхъ ихъ родственниками; число не найденныхъ еще жертвъ, по свѣдѣніямъ полиціи, простирается до 79-ти. Вокругъ пожара распространяется сильный трупный запахъ; смежная съ нимъ

улицы оцѣлены кордонами, и публика на мѣсто катастрофы не допускается.

Замѣчательно то обстоятельство, что всего недѣли за двѣ до пожара театръ осматривала правительственная инспекція и не нашла его опаснымъ въ пожарномъ отношеніи. А между тѣмъ это старое зданіе представляло всѣ удобные шансы къ такому несчастію. Корридоры всѣ низки и узки, постепенно суживаясь еще въ верхнихъ ярусахъ; въ нихъ едва могли стаять въ рядъ трое человѣкъ. Выходовъ было очень мало, напр., въ мѣста за креслами веда всего одна узенькая дверь. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣднее несчастіе съ „Комической оперой“ поглотило массу человѣческихъ жизней. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи и почти всѣ остальные парижскіе театры не уступаютъ зданію „Комической оперы“: всѣ они — такой же старой конструкціи, какъ будто наскѣхавшейся надъ выработанными теперь мѣрами предосторожности противъ огня, и — случись несчастіе — они также сгорѣли-бы какъ свѣча, похоронивъ подъ своими развалинами такое-же громадное количество труповъ.

Въ Парижѣ открыта подписка въ пользу пострадавшихъ, и „Новое Время“ приглашаетъ русскую публику, желающую принести свою лепту на доброе дѣло, адресоваться въ редакцію газеты или прямо въ Парижъ, префекту полиціи Граньону (M. Gragnon, préfet de police).

Художественная выставка въ Венеціи.

Въ этой весной „Serenissima“ Венеція отпраздновала три торжества: первое представлеіе оперы Верди „Отелло“, открытіе памятника Виктору-Эммануилю и открытіе художественной выставки. Вся Італія собралась къ хоругвамъ венеціанскаго льва; тысячи иностранцевъ отовсюду съѣзжались въ городъ св. Марка: всѣхъ привлекаетъ сюда художественная выставка.

Среди „общественныхъ садовъ“ (giardini publici) возвышается роскошный дворецъ выставки, выстроенный по чертежамъ архитектора Энрико Тревизано; обширное зданіе занимаетъ собою громадную площадь въ 7.500 квадратныхъ метровъ и представляется ввидѣ треугольника, одна сторона котораго прилегаетъ къ лагуны, другая касается канала Санъ-Джузепе, а третья окружена „общественными садами“. Главную часть зданія составляетъ полукруглая „длинная“ галерея, дѣлящаяся входомъ на двѣ равныя части; передъ входомъ раскидывается терраса изъ бѣлаго мрамора съ широкими подъездами. Видъ отсюда великолѣпенъ: подножіе лѣстницы купается въ темно-голубыхъ волнахъ, разбѣгающихся о твердый мраморъ; слѣва лежитъ въ отдаленіи Лидо, на югъ — острова св. Елены и Мурано; въ ясную погоду на горизонтѣ выдѣляются даже тонкіе, воздушные силуэты возвышенныхъ береговъ Истріи. Весь залитъ покрытъ гондолами и маленькими пароходиками; это итальянцы сѣдаютъ наслаждаться выставкою. Для пѣсеходовъ есть еще одинъ входъ — съ противоположной стороны дворца, изъ „общественныхъ садовъ“.

Венеція кипитъ теперь небывалою жизнью, проснувшись отъ своей традиціонной лѣтальной.

Среди выставленныхъ картинъ, кромѣ работъ современныхъ итальянскихъ художниковъ, почетное мѣсто въ количественномъ отношеніи занимаетъ испанская школа. Затѣмъ тутъ замѣчается большое число произведеній скульптуры. Какъ известно, до послѣдняго времени итальянская скульптура сильно опережала живопись, такъ какъ въ Італіи гораздо сильнѣе развито пониманіе формъ, чѣмъ пониманіе красокъ. Въ общемъ венеціанская выставка можетъ дать прекрасный матеріалъ для новыхъ наблюденій и выводовъ о состояніи искусства въ молодомъ государствѣ, такъ недавно объединившемся и успѣвшемъ уже занять почетное мѣсто среди культурныхъ народовъ Европы.

Пляска Саломеи передъ царемъ Иродомъ.

Ж. Рошгросъ — еще молодой художникъ, получившій уже однако большую извѣстность какъ въ артистическомъ мірѣ, такъ и въ публикѣ, и французскіе художественные критики не разъ съ похвалою отзывались объ его талантѣ. Едва-ли представляется теперь надобность приводить содержаніе картинъ: сюжетъ ея всѣмъ хорошо извѣстенъ, и мы можемъ коснуться лишь особенностей. На возвышенной эстрадѣ вы видите мрачнаго Ирода; слѣва расположились гости; передъ нимъ, подъ звуки странной восточной музыки — арфы, тимпановъ и египетскихъ гремушекъ — извивается въ сладострастной пляскѣ Саломея, каждымъ движеніемъ своего гибкаго, стройнаго стана оцѣлѣвая зрителей, оцѣлѣвая ихъ, кружа головы. Въ душѣ Ирода зарождается безпокойство, смущеніе; Ирода слѣдуетъ за нимъ, не сводя глазъ, старается проникнуть въ его мысли и дѣлать удобной минуты, чтобы привести въ исполненіе задуманный планъ. А общее очарованіе все усиливается, страсть и нѣта разливается по обширному покою...

Этотъ именно моментъ и представилъ намъ высокодаровитый художникъ.

Могила Мотри Кочубей въ Полтавѣ.

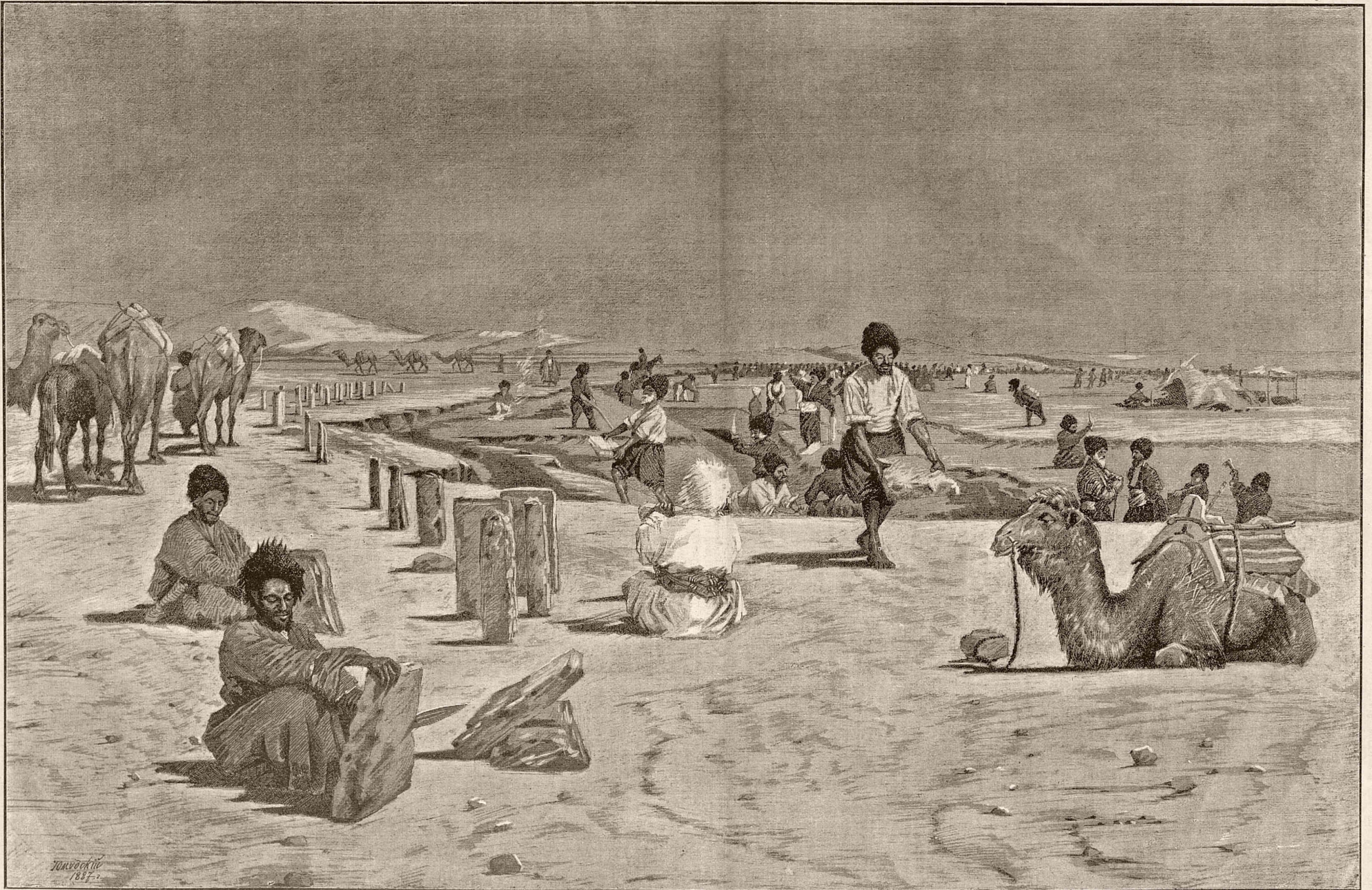
Въ семи верстахъ отъ г. Полтавы, на рѣкѣ Ворсклѣ, близъ хутора Чаплинскихъ, до сихъ поръ показываютъ могилу несчастной дочери полковника Кочубея; на небольшомъ холмикѣ тутъ стоитъ простой деревянный крестъ. Мѣстная молодежь каждый годъ собирается здѣсь въ день Івана Купала, справляетъ чисто-языческій праздникъ: зажигаютъ купальскіе огни, разводятъ костры, вокругъ которыхъ вольятъ хороводы или *коло* — по мѣстному нарѣчію. Эти игры напоминаютъ древне-русское чествованіе Перуна или Ярила и другихъ боговъ языческаго культа. Могила Мотри Кочубей сдѣлалась сборнымъ пунктомъ молодежи и считается самымъ живописнымъ мѣстомъ въ окрестностяхъ Полтавы. Имя злопобѣдливой Мотренки вспоминается молодежи съ благого-

вѣніемъ и состраданіемъ; ходитъ повѣрье, что въ этотъ вечеръ тѣмъ ея принимаетъ участіе въ общемъ веселіи, и полтавцы твердо увѣрены въ истинѣ этой легенды. Кѣмъ поставленъ крестъ — исторія умалчиваетъ, но по вѣду онъ очень старъ, такъ что его можно отнести къ петровскому времени.

Колодезь св. Антонія и колодезь св. Θεодосія въ Кіево-Печерской лаврѣ.

(Къ рисунку въ № 957 „Всем. Илл.“)

Въ числѣ заслуживающихъ вниманія святыхъ основателей Кіево-Печерской лавры, ископаные нѣхъ собственными руками. Начало русской святости относится къ XI вѣку, т.-е. къ 1050 году, когда преподобный Антоній, великій подвижникъ православнаго, испросилъ мѣсто, т.-е. гору, у великаго князя кіевскаго Ізяслава I для иноковъ, а первый игуменъ обители преподобный Θεодосій заложилъ первое основаніе великолѣпнаго храма въ 1073 году. Достроилъ его второй священный игуменъ обители Стефанъ, преемникъ св. Θεодосія, обнесъ оградой и перевелъ братію изъ древней пещерной обители въ новую; но и онъ оставилъ лавру прежде ея совершенія. Великій игуменъ Никонъ, одинъ изъ первыхъ спасавшихся съ преподобнымъ Антоніемъ и постигшимъ самого св. Θεодосія, будучи призванъ послѣ его въ настоятели лавры, имѣлъ только утѣшеніе видѣть ее расписанной пришельцами цареградскими. Преподобный Антоній, гражданинъ города Любеа, ходилъ паломникомъ въ Грецію, на Афонскую гору, и постигся тамъ въ монахи. Воротаясь въ Россію, онъ поселился недалеко отъ Кіева, на берегу Дѣпра, гдѣ выкопалъ самъ себѣ пещеру, въ которой поселился. Слава о святости св. Антонія привлекла къ нему нѣсколько послѣдователей; онъ образовалъ изъ нихъ первую русскую монастырскую общину, поставивъ имъ по просьбѣ братіи игумена, а самъ затворился въ пещерѣ, не выходя изъ нея 40 лѣтъ. Монахи сначала жили также въ ископаныхъ имъ пещерахъ, откуда и названіе монастыря „Печерскій“. При преподобномъ Θεодосіи братія построила монастырскія зданія. Настоящимъ устроителемъ лавры явился второй игуменъ, преподобный Θεодосій. Имѣя съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно умѣлъ отъ родителей, ходилъ въ разные монастыри и просилъ о принятіи его въ число братіи, но вездѣ ему отказывали за его простоту и худую одежду. Наконецъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Θεодосій былъ человѣкъ твердой воли и дѣятельнаго, энергичнаго характера. Сдѣлавшись игуменомъ, онъ подавалъ братіи примѣръ непрерывныхъ трудовъ, поста и изнуренія плоти; самъ носилъ воу изъ ископаныхъ своими руками колодезя для братіи, рубилъ дрова, топилъ печи, ходилъ въ ветхой одеждѣ. Отъ братіи онъ требовалъ безусловнаго повиновенія и послушанія и вездѣ принесенный изъ Греціи обожетельный уставъ Студійскаго монастыря, съ Афонской горы, который предписывалъ очень строгія правила и ежедневные труды. Превославная церковь почитаетъ преподобнаго Антонія, какъ перваго основателя лавры и отца иночествующихъ на Русь. Оправдали слова блаженнаго лѣтописца лавры и всея Руси преподобнаго Нестора, познавающаго тоже неизменно въ лаврѣ, „что многие монастыри отъ князей и отъ богатства поставлены, но не таковы они, каковы поставлены слезами и пощениемъ, молитвой и бдѣніемъ. Преподобный Антоній не имѣлъ ни золота, ни серебра, но все стяжалъ слезами и пощениемъ“. Небольшая душасная пещера, гдѣ спался на Береславѣ благочестивый Іларіонъ, пресвитеръ, будущій митрополитъ всея Руси, обратился въ великолѣпную обитель. Преподобный Антоній, помолившись въ пещерѣ св. Θεодосія, сказалъ: „Господи! утверди меня въ мѣстѣ семъ, и да будетъ на немъ благословеніе святыхъ горы и моего игумена, меня постигшаго“. По истеченіи 12-ти лѣтъ прославился преподобный Антоній на всю землю русскую и началъ набирать сходящуюся къ нему братію со всѣхъ концовъ Руси. Поселивъ онъ ихъ въ пещерѣ съ кельями и съ кельями и, передавъ имъ благословеніе первое отъ Бога, а второе отъ принесенной имъ иконы св. Анона Божіей Матери, благословеніемъ Святой горы, земнымъ утѣломъ самой небесной Владычицы, поставилъ въ игумена по просьбѣ братіи, а самъ началъ жить особо, въ уединеніи, въ ископаной имъ самой пещерѣ. Когда же стало тѣсно въ пещерахъ отъ умножавшейся братіи, то преподобный Антоній просилъ великаго князя: „княже мой, се Богъ умножилъ братію, а мѣсто сіе мало; еслибы ты намъ далъ гору, что надъ пещерой!“ Князь, строгій христіанинъ, съ радостью уступилъ преподобному гору; трудами иночествующихъ воздвиглась великая церковь съ кельями и оградой вокругъ; съ этихъ поръ прозвалась монастырь Печерскимъ. Третьею избраніе блаженнаго Θεодосія въ настоятели умножавшемуся братству. „Поставь намъ игумена“, говорятъ иноки великому старцу своему. „Кого хотите?“ спросилъ преподобный Антоній; они же отвѣчали: „кого хочешь Богъ и ты“, и старецъ сказалъ: „кто между вами больше Θεодосія послушавъ, кропотъ и смиренъ? Онь да будетъ намъ игуменъ!“ и братія, съ радостью покланявшись своему старцу, поставили игуменомъ преподобнаго Θεодосія. Не разъ опустошали святыню дикія орды монгольскія, полочецкія и печенѣжскія, а также и внутренняя удыльная междоусобица князей. Не разъ огонь пожиралъ до основанія строенія, но все-таки самое сердце святни осталось и обновило изъ пепла погибшія памятники святой старины. Для болѣе подробнаго представленія приводимъ дословно текстъ незабвеннаго А. Н. Мухоморова изъ прекраснаго его описанія кіевской святни: „съ памяникомъ владыки отцомъ А...-у, моимъ пріятнымъ и радужнымъ спутникомъ многихъ моихъ хожденій внутри лавры и по ея окрестностямъ, совершилъ я сей послѣдній восходъ и уже полагалъ, что успѣвъ въ короткое время видѣть все достойное вниманія въ стѣнахъ обители; но владыка-митрополитъ озабочилъ меня

Закаспійскій край.— Добываніє соли на островъ Челекенъ.

Рисов. Н. Юмудскій.

Всѣмірная Иллюстрація

№ 961. Годъ XIX.]

13-го іюня 1887 г.

[Томъ XXXII. № 25.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

При этомъ номерѣ «Всѣмїрной Иллюстраціи» разсылается для всѣхъ подписчиковъ четвертое художественное приложение за 1887 годъ —

автотипія съ картины профессора Ю. Клевера

„ЛѢСНОЙ ЦАРЬ“.

ПОДПИСКА НА 1887 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

и гг. новые подписчики получаютъ журналъ съ 1-го номера со всѣми бесплатными приложениями.

(См. объявленіе на 2-й страницѣ.)

ДОЧЬ СВЯЩЕННИКА.

РОМАНЪ

Софьи Михайловой.

IV.

Была половина сентября; въ лавкѣ стало замѣтно холоднѣе. Клавдія Григорьевна, окутавъ голову небольшимъ платкомъ, проворно щелкала счетами, вся углубившись въ свое занятіе.

— Получите деньги! раздался возлѣ нея чей-то голосъ.

Клавдія Григорьевнѣ пришло въ голову, что фразу „получите деньги“, произносимую именно этимъ голосомъ, она слышала много уже разъ; но когда она взглянула въ лицо покупателя, то оно ей показалось совершенно незнакомымъ. Передъ ней стоялъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ серьезнымъ лицомъ и внимательно смотрѣлъ на ея работу. На конторкѣ были разложены расчетныя книги, расписки, лежали счеты.

— А у васъ много работы, мягко замѣтилъ онъ.

— Да, немало, отвѣтила Клавдія Григорьевна, съ недоумѣніемъ взглянувъ въ лицо покупателя. Не смыслъ замѣчанія, но голосъ, какимъ оно было произнесено, показался ей чѣмъ-то новымъ. Изъ посетителей лавки никто къ ней такъ не относился. Она не могла-бы объяснить, въ чемъ именно заключалась разница этого отношенія, но почувствовала эту разницу. Простая, повидимому, фраза отъѣнялась чѣмъ-то особеннымъ, и этотъ отъѣнокъ заставилъ сильнѣе заботиться ея сердце. Въ лицѣ ея выразилась робкая тревога: что-то незнакомое, смутное какъ бы захватывало ее, туманило, не давало собраться съ мыслями.

Сѣрые глаза молодого человѣка мягко смотрѣли на нее.

— И вы, кажется, рано приходите въ лавку? продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ.

— Да, къ 6-ти часамъ я должна

Иностранные художники. — Молодое поколѣніе.

Картина К. Раупа.

гласилъ всѣхъ къ себѣ — отдохнуть, закусить и напиться чайку.

Судейкинъ и Нестеровъ попробовали энергично отказаться, но игуменъ сталъ упрашивать. Неловко было не уважить просьбы старика, тѣмъ болѣе, что онъ оставилъ дугъ и нарочно вернулся для гостей.

Отецъ Онуфрій слышетъ въ городѣ за радужнаго хлѣбосола и милого собесѣдника. Онъ угостилъ нашихъ обозрѣвателей такимъ виномъ, какого нельзя и найти въ Болотинскѣ. Одна мадера чего стоила!.. А поваръ считается недаромъ первымъ по уѣзду... Пили, ѣли, бесѣдовали... Уходя изъ дому, Судейкинъ сказалъ жень, что будетъ къ обѣду, въ четыре часа. Но было уже близко къ восьми, когда онъ и Иванъ Ивановичъ на настоятельской лошади выѣхали изъ монастыря. Фалинь остался у игумена.

VI.

Судейкиныхъ сидѣла въ гостяхъ какая-то барыня съ дочкой. Мать была худощавая женщина лѣтъ сорока, типъ „бой-бабы“, умѣющей постоять за себя и любящей „промытъ косточки“ всѣмъ и каждому. Кажется, этимъ самымъ она и занималась вкушъ съ хозяйкою — полной женщиной лимфатическаго темперамента. Любовь Карповна сидѣла на диванѣ, сложа руки на большомъ животѣ и моргая безпрестанно бѣлыми рѣсницами. Въ то самое время, когда въ комнату вошли хозяйинъ и Нестеровъ, говорила madame Судейкина, а гостя внимательно слушала, причемъ ея большіе уши, казалось, стояли, какъ у зайца, насторожѣ, а черные быстрые глаза впились въ дряблѣе жирное лицо говорившей.

— А вотъ и мы, произнесъ Семенъ Семеновичъ, бросая на рояль соломенную шляпу.

— Хорошо, нечего сказать! встрѣтила жена, обрывая рассказъ: — велѣлъ ждать къ четыремъ, а самъ Богъ вѣсть гдѣ шляется до восьми!

— Ну, это ты напрасно, мой другъ, съ дѣланной ироніей возразилъ супругъ: — мы не шлѣлись Богъ знаетъ гдѣ, а были у честнаго о. Онуфрія. Позволь вотъ тебѣ представить...

Онъ назвалъ имя и фамилию гостя, добавивъ въ видѣ аттестации, что это тотъ самый Нестеровъ и пр.

— Ахъ, очень приятно, промолвила хозяйка, тѣшито стараясь придать подходящее выраженіе своему жирному лицу. — Вы надолго пожаловали въ нашъ городъ?

— Только на нѣсколько дней, посмотрѣть древности, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Что мы и дѣлаемъ очень успѣшно, захотѣла Судейкинъ.

Сидѣвший гость Нестеровъ молча поклонился, на что та слегка наклонила голову.

— Ну-съ, теперь я васъ представляю барышнѣ, произнесъ хозяйинъ и подвелъ петербуржца къ дѣвушкѣ, сидѣвшей у этажерки и разбавившей ноты.

— Вотъ, Евгения Николаевна, намѣренно-шутливо началъ Максимъ Максимовичъ: — предъ вами тотъ самый Нестеровъ, чью музыку вы такъ любите, потому что играете его романсы и польку...

— Ахъ, да! произнесла дѣвушка томно и слегка вздохнула.

Ей было всего лѣтъ семнадцать. Невысокая, бѣленькая пухленькая блондинка съ карими глазками, румянными губками и съ ямочками на розовыхъ щечкахъ — она понравилась Нестерову, который былъ „достаточно счастливъ и веселъ“ и первый протянулъ руку. Дѣвушка подала свою, и авторъ польки съ удовольствіемъ пожалъ пухлую ручку.

— А вамъ у насъ везетъ, разсмѣялся Судейкинъ.

— Ужъ не говорите лучше!

— Ты про что, Макса? полюбопытствовала жена.

— Видишь, дружокъ: недавно Фалинь чуть въ любви не объяснился Ивану Ивановичу за его вальсъ. А теперь вотъ барышня со вздохомъ вспомнила про чудную музыку того, кто среди насъ.

Максимъ Максимовичъ старался придать своему тону шутливый характеръ.

Мать Жени съ ногъ до головы окинула про-

ницательнымъ взглядомъ „питеряка“, одобрила мысленно и фигуру, и костюмъ и произнесла медленно, отчеканивая слова:

— Это должно лстить самолюбію м-сье Нестерова.

— О, конечно, поспѣшилъ согласиться Иванъ Ивановичъ.

Случайно ему пришлось сѣсть рядомъ съ Чекаловой и вступить въ разговоръ. Не прошло и пятнадцати минутъ, какъ она уже знала, что онъ холостой, служить тамъ-то, имѣетъ сбереженія и пр. Все это еще болѣе подняло въ ея глазахъ „извѣстнаго композитора“, и она нашла нужнымъ высказать ему и свое одобреніе.

— И вы, и вы еще, шутливо испугался онъ. — Ради Бога, не захваливайте, а то я всѣмъ зазнаюсь.

— Всякому свое. Вы не подумайте, что я лгу: о, я врагъ всякой лести!.. Но моя Жень... я должна сказать вамъ, что она у меня хорошо воспитана, любитъ музыку и играетъ очень недурно...

— Ахъ, что вы, мамаша! заявила протестъ дѣвушка.

— Что же, мой ангелъ? я говорю правду!.. Да чего лучше... Иванъ Ивановичъ! вы, какъ знаете и настоящій цѣнитель, будьте судьею! Мнѣ бы такъ хотѣлось слышать ваше мнѣніе... Женичка, сыграй, дружокъ, что-нибудь!

— Мамаша!

— Ну, полно, не стѣсняйся!.. Иванъ Ивановичъ, вамъ не будетъ непріятно?

— Помилуйте, сударыня! Я съ большимъ удовольствіемъ.

— Ну, Женичка, полно-же, садись.

— Только не ихъ сочиненія, мамаша! Я другое что-нибудь сыграю, рѣшительно заявила дѣвушка.

— Почему-же, милочка?

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша!

— Ипрекрасно сдѣлаете, вмѣшался авторъ: — мнѣ самому наскупило свое, и я съ удовольствіемъ послушаю что-нибудь другое въ вашемъ прелестномъ исполненіи.

— Не торопитесь хватить, томно закатывая глаза, возразила барышня, но въ тонѣ звучала полная самоуверенность.

— Я не сомнѣваюсь, сказалъ Иванъ Ивановичъ, пододвигая къ дѣвушкѣ стулъ и затѣмъ открывая рояль.

Лицо Жени приняло серьезное выраженіе. Она подумала съ секунду и начала „Молитву дѣвы“, причемъ сразу обнаружила неправильную постановку рукъ, технику настолько не выработанную, что ноты *смазывались*. При переходѣ въ басы, во второй половинѣ пьесы, музыкантша сдѣлала ненужную большую паузу, а дальнѣйшей игрѣ придавала такой плачевный тонъ, что Иванъ Ивановичъ, находившійся въ очень веселомъ настроеніи, чуть не покатылся со смѣха. Пьеса окончилась такимъ каскадомъ безпорядочно-сыпавшихся звуковъ, что гость испугался за цѣлость своей барабанной перепонки.

„Господи, вотъ городъ“, невольно подумалъ онъ. — „Всѣ здѣшніе музыканты хотѣтъ взять, если не талантомъ, такъ силой, тузятъ клавиши, какъ московскій купецъ свою благовѣрную“.

Женья кончила и отошла къ окну.

— Что скажете? поспѣшно спросила Чекалова. — Не правда-ли, игра чистая и сильная?

— О, очень сильная! Въ этомъ отношеніи Евгения Николаевна можетъ сравниться только съ Рубинштейномъ (конечно, съ болотинскимъ, хотѣлъ было онъ добавить, но удержался).

— Вотъ видишь, вотъ видишь! воскликнула Чекалова, обращаясь къ дочери: — я тебѣ говорю!.. Вообразите, отнеслась она снова къ Нестерову: — здѣсь есть одинъ музыкантъ, такъ себѣ... но онъ очень много воображаетъ, потому что ему покровительствуютъ сильные міра...

— Вы, должно быть, о Тобольскомъ? сказала Нестеровъ.

— Да, а вы развѣ его знаете? удивилась Чекалова.

— Имѣю удовольствіе. Онъ вчера игралъ у моего пріятеля Орлова.

— Это вашъ пріятель? я его знаю. Такъ вы говорите, у него игралъ Тобольскій? что же именно?

— Свое новое сочиненіе.

— Воображаю, что за чепуха! Ну, да Богъ съ нимъ. Всякій можетъ думать о себѣ, что ему угодно. Но нѣтъ, какова его дерзость: онъ говорить, что Женья совсѣмъ не умѣетъ играть, что ей нужно еще начать съ азбуки... а? Каково!

Иванъ Ивановичъ только пожалъ плечами.

(Продолженіе будетъ.)

Побѣдка по Закаспійской области.

(Окончаніе.)

Наступилъ и день выѣзда нашего въ Асхабадъ. Все утро 7-го мая посвящено было сборамъ и отдачѣ нѣкоторыхъ распоряженій въ виду нашего отъѣзда изъ Мерва.

Послѣ ранняго обѣда, простившись съ войсками, главноначальствующій выѣхалъ въ обратный путь, сопровождаемый начальникомъ округа, ханами, почетными людьми и жервскими джигитами: всѣ они, откланявшись князю на мѣстѣ перваго почлега, были отпущены назадъ. Обратное движеніе наше къ Асхабаду совершалось уже не верхомъ, а, такъ сказать, въ экипажахъ: князь ѣхалъ въ коляскѣ генерала Комарова, свита же — на полковыхъ фугонахъ, причемъ ей пришлось удостовѣриться, что этотъ способъ передвиженія не принадлежитъ къ числу удобнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, для сообщенія съ Мервомъ. Обратная побѣдка наша съ почтальонами въ тѣхъ же пунктахъ, какъ и въ передній путь, но уже безъ дневокъ, заняла восемь дней: главноначальствующій съ начальникомъ области прибылъ въ Асхабадъ 13 го мая вечеромъ, а свита — на слѣдующій день утромъ.

Въ Асхабадѣ князь пробылъ болѣе сутокъ для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ по Закаспійской области и принятія персидскаго сановника, присланнаго его величествомъ шахомъ для привѣтствованія отъ его имени главноначальствующаго по случаю посѣщенія имъ пограничной съ Персіею области. 15-го мая, въ 11 часовъ утра, серпиль первой стѣны, мірва Маасумъ-ханъ, былъ принятъ главноначальствующимъ въ присутствіи генераловъ Комарова и Шенелева и, передавъ отъ имени шаха привѣтствіе, вручилъ князю и письму отъ хорасанскаго наместника, брата его величества. Мірва Маасумъ-ханъ служилъ въ персидскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и занимаетъ нынѣ должность кяргозара Хорасана и Селестана; онъ бѣло говоритъ по французски и понимаетъ русскій языкъ. Въ честь персидскаго посланца былъ вслѣдъ затѣмъ данъ обѣдъ, на которомъ присутствовали военные и гражданскіе чины, находившіеся въ Асхабадѣ.

Послѣ обѣда главноначальствующій простился со всѣми присутствовавшими и въ дорожномъ экипажѣ отправился къ начальнику Закаспійской области, которому выразилъ искреннюю признательность за то прекрасное состояніе, въ которомъ найдено было все осматрѣнное въ краѣ, въ особенности за успѣхи, достигнутые въ короткое время генераломъ Комаровымъ въ установленіи полного спокойствія и безопасности въ странѣ послѣ присоединенія Мерва; это служило лучшимъ доказательствомъ разумнаго отношенія администраціи къ населенію и довѣрія, которое оно сумѣло внушить къ себѣ со стороны людей, еще такъ недавно бывшихъ страшными бичемъ для своихъ сосѣдей. Поблагодаривъ также отъ души любезную семью А. В. Комарова, среди которой нашли самый добрый, ласковый пріемъ, мы выѣхали изъ Асхабада и 17-го мая утромъ были уже на берегу Михайловскаго залива, гдѣ насъ ожидалъ пароходъ.

Переѣздъ моремъ былъ на этотъ разъ какъ нельзя болѣе удачнымъ. Въ Баку, куда прибыли 18-го числа, въ два часа пополудни, главноначальствующій оставался до вечера слѣдующаго дня; во время пребыванія своего здѣсь, его сіятельство принималъ доклады губернатора, городского головы, пограничнаго комисара нашего съ Персіею и бесѣдовалъ съ представителями нефтепромышленности о ея нуждахъ. Въ восемь часовъ вечера мы сѣли въ экстренный побѣдъ, который 20-го мая доставилъ насъ въ Тифлисъ въ часъ съ половиною дня.

Заканчивая наши замѣтки, позволимъ себѣ высказать наше мнѣніе, что настоящее посѣщеніе Закаспійской области произвело на насъ несравненно болѣе выгодное объ этомъ краѣ впечатлѣніе, чѣмъ то, которое мы ожидали, и что съ устройствомъ въ немъ удобныхъ и быстрыхъ путей сообщенія, преимущественно съ Хорасаномъ, а также съ затратою нѣкоторыхъ средствъ на возобновленіе прежней ирригаціонной системы въ тежденскомъ и мервскомъ оазисахъ, мѣстности эти могутъ разсчитывать на возрожденіе ихъ прежняго культурнаго состоянія и до извѣстной степени окупить издержки правительствъ на управленіе ими.

Лѣтопись искусствъ, театра и музыки.

С.-петербургская музыкальная хроника. Въ Павловскѣ съ самаго начала лѣтняго сезона по пятницамъ даются

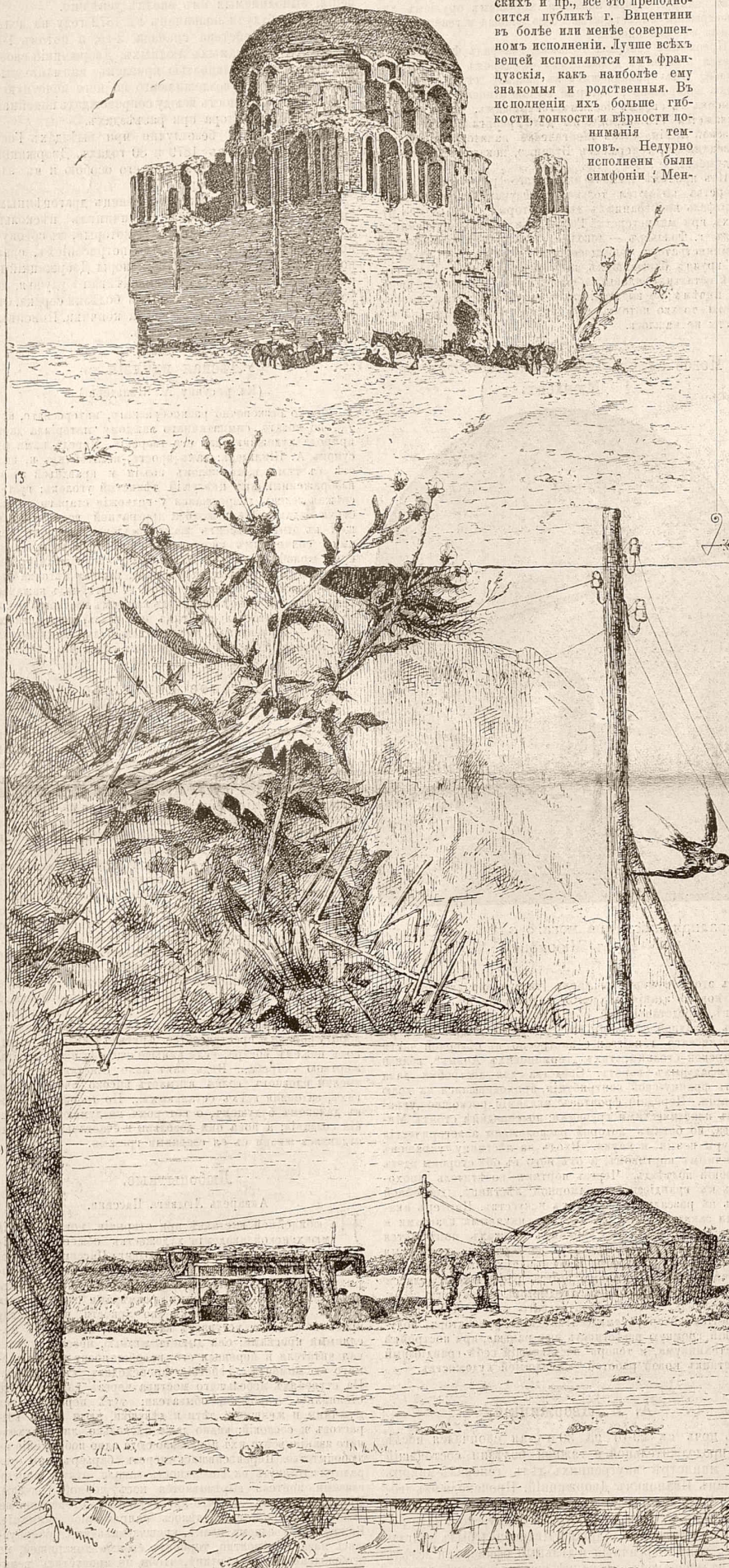
симфоническіе вечера, посвященные болѣе серьезнымъ произведеніямъ и даже классическимъ. Симфоніи, увертюры Бетховена, Моцарта, симфоніи Мендельсона, Шумана, цѣлая масса французскихъ произведеній, нѣсколько русскихъ и пр., все это преподносится публикѣ г. Вацентини въ болѣе или менѣе совершенномъ исполненіи. Лучшее всѣхъ вещей исполняется имъ французскія, какъ наиболѣе ему знакомыя и родственныя. Въ исполненіи ихъ болѣе глубокости, тонкости и вѣрности пониманія темповъ. Недурно исполнены были симфоніи Мен-

Типы переселенцевъ.

дельсона, Бетховена, Моцарта, но довольно слабо прошла въ послѣднемъ симфоническомъ концертѣ симфонія В—dur Шумана. Главный недостатокъ передачи заключался въ замедленіи темповъ всѣхъ ея частей. Всякій композиторъ, разумеется, много теряет отъ невѣрной скорости, сообщаемой его произведеніямъ, но Шуманъ — этотъ крайне живой талантъ — въ особенности блѣднѣетъ, разъ вы отнимете свойственные ему движенія. Вообще, къ симфоническимъ концертамъ наша публика питаетъ уваженіе, она со вниманіемъ слушаетъ исполненіе и съ горячею благодарностью относится къ исполнителямъ. Сезонъ въ Павловскѣ въ іюлѣ оживился, вокзалъ все болѣе и болѣе теряетъ пустынный характеръ, да и публика какъ-то стала внимательнѣе.

Въ „Акваріумѣ“ съ прошлой недели начались тоже симфоническіе концерты по средамъ. О нихъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ. Повседневные же концерты, подъ управленіемъ г. Ангеля, не отличаются особенной новизной программы, иногда же заигранныя и, такъ сказать, навязчивыя въ ушахъ пьесы положительно ихъ портятъ. Оркестръ, составленный изъ прекрасныхъ артистовъ, от-

Поездка по Закаспійской области. — Султанъ-Санджаръ и Кахка.

Съ фотографій бр. Кондратенко рисов. К. Зиминъ.